

Три мальчика

Все герои и события вымышлены, любое совпадение считать случайностью.

Тихий июльский вечер спустился в широкую степную долину густыми сумерками. Он принес освежающую прохладу, пропитанную пылью и влагой с горных вершин. Широкая кривая горная тень медленно сползала вниз, спасая изнуренных людей от палящего солнца. Женщина среднего роста, с темно-русыми волосами средней длины припарковалась у YMCA центра. Вылезая из автомобиля, она обронила шлепку, которая закатилась под машину. Женщине пришлось доставать обувь, опустившись на колени. Затем она торопливым шагом поспешила внутрь здания.

Вскоре женщина вышла с тремя мальчиками приблизительно одного возраста. Дети вместе посещали летний лагерь со спортивными играми, бассейном и веселыми развлечениями. Один из них был ее сыном. Двое других — дети соседей.

— Ребята, что же все-таки произошло? — озабоченно спросила она. Глядя на чернеющий синяк на щеке одного.

— Вова, меня ударил! — взвизгнул щуплый темненький мальчик, он нервно хлопал пушистыми густыми ресницами. Его огромные карие глаза блестели. Женщина испугалась, вдруг он вот-вот расплачется. Но мальчик сдержался.

— Вова, как же так? Нельзя никого бить! Насилием не решить никакую проблему. Если вы не можете разобраться сами. Разойдитесь, успокойтесь. Попросите взрослого помочь. Тем более, вы же друзья? Это произошло случайно? — попыталась разобраться женщина.

— Я не хочу больше с ним дружить! — пробубнил Вова. Он опустил взгляд и потёр кулак, вроде уже не больно. Он не помнил, как злость овладела им, и он ударил Женю.

— Ну, и не особо хотелось. Мы вообще переезжаем в Калифорнию. Там классно, а вы тухнете в своем вонючем Лаффае. — разошелся Женька.

“Хочешь узнать, о чем думают люди, спроси их ребенка! Хотя даже и спрашивать не пришлось!” — подумала женщина.

— Тетя Марина, я не сяду рядом с Вовой! — пропищал Женя.

— Окей. Витя, сядь, пожалуйста, в середине! — обратилась женщина к сыну. Светловолосый мальчик с обветренными губами послушно кивнул и полез в салон.

Чтобы снять напряжение Марина включила музыку. Три мальчика на заднем сидении всю дорогу ехали молча.

Женя

Женя с родителями приехал из России в штаты весной двадцать третьего. После мобилизации в сентябре двадцать второго папа спешно выехал в Турцию. Накануне семейство узнало долгожданную радостную новость. У Жени будет сестренка или братишка. Лариса, мама мальчика, волевая, ухоженная дама, на приличной должности, с безупречным маникюром, темными длинными прямыми волосами и большими красивыми карими глазами формы миндального ореха, со сдержанной улыбкой сообщила о беременности домочадцам. Мама Женечку любила, баловала, когда была не занята делами, остальное время он проводил с бабушкой или играл в видео приставку один иногда с папой. Ответственная мама составила для сына расписание. Папа водил его по утрам на тренировки в бассейн, потом в садик, по вечерам вторников и четвергов — курсы для подготовишек. Иногда мама и дома со всеми разговаривала, как в подчиненными, властным тоном, указывая, кому и что делать. Правда, прибывая в хорошем настроении, Лариса улыбалась ласковой лисонькой, и балует Женьку, и любит, конечно, если он послушный. Женя уже раскусил, в такие моменты можно просить у мамы что угодно. Новые кроссовки, как у Миши. Или гидроскутер, как у Сашки. А лучше попросить гидроскутер ещё круче, чем у Сашки. Мама купит всё что угодно, чтобы сын был самым популярным и лучше всех на свете. Только новый айфон пока нельзя. Женка играет на мамином старом.

«Какая Америка? Ты спятил? Что ещё за родственники, ты с ними сколько лет не общался, двадцать? Пятнадцать?! И думаешь, они нас примут? А рожать, где я должна? На границе с Мексикой? Или в миграционной тюрьме на бетонном полу с мексиканцами? Аля, амиго, принимай роды, мучачас!» — театрально кричала Лариса с ироничной издёвкой. «Почему в тюрьме? Что за дичь? Это надежно, я миллионы роликов на ютубе с инструкциями посмотрел. Реальные люди, настоящие истории. Мы летим в Канкун в отпуск, через Стамбул, конечно. Если ты рожаеть в Мексике, ребенок получает гражданство, а мы вид на жительство! Такие у них законы, и это просто подарок! Твоя беременность — наше преимущество, а не напряг.» — успокаивал папа Жора по видео звонку. Хотя он предпочитал, чтобы к нему обращались Георгий. Полное имя звучало куда благороднее для полного Жоры. Вес стал катастрофически расти из-за стресса, а может от возраста и семейной жизни. Хотя лишний вес свалить можно было и на генетику. А Георгий звучит статусно. «Из Канкуна мы едем в Мехико сити и каждое утро “ловим дату” собеседования на границе. Ждем удачу, и максимум через два месяца: “Welcome to the United States of America”! Ты можешь не уходить с работы, подождём декрет, и тогда...” — бархатный голос Георгия был полон надежды. «И тогда я могу родить в любой момент!» — заорала Лариса. Георгий относился с пониманием. Беременность, гормоны, стресс. Зубы только предательски скрипели. «Не волнуйся, Лариса. Подумай, чем мы рискуем? Деньгами! Тебе даже не нужно увольняться, ты будешь получать декретные на карту. Мы продадим машину, и уедем, а если не получится! Родишь в Северной Америке, отдохнешь, попутешествуем! И вернемся! Тут все равно с работой у меня туго. Не стабильно все, санкции! Какое будущее у нас? У страны? Но, если получится, то у нашего ребенка синий паспорт! Мир открыт!» — Жора умел уговаривать. Аргументы он озвучил весомые. Путешествовать и отдыхать Лариса любила. И хоть не верила в смутную угрозу повестки из военкомата для мужа, но закрытые границы ее удручали.

Лариса молчала, переваривая каждое слово. «Или в Мексике!» — проговорила она, и предательская улыбка слегка потянула уголки её красивых пухлых губ вверх. «Что в Мексике?» — не понял Жора. «Ты сказал, что рожу в

Америке! Так уверен? Я родить и в Мексике могу!» — Лариса старалась говорить ворчливее и обиженнее, она же в положении, муж не должен об этом забывать.

Пусть чувствует себя виноватым за все её «жертвы» и «сложности».

«Я сказал в Северной Америке, это материк, на котором находятся Канада, США и Мексика.» — Жора сиял, удалось блеснуть эрудицией, пусть не думает, что она тут одна самая умная. План у него безупречный. А если, что-то не получится, вернемся. Будем искать денег на “негодность” для военкомата.

Всё эти разговоры и планы, казались сценарием голливудского фильма, нереальными и сумасшедшими. Женька мечтал, как окажется в Америке и станет самым крутым среди друзей. Вот уж ни Сашке, ни Мишке не побывать в Америке.

“Все сразу захотят со мной дружить!” — мечтал Женя. “Никому ничего не говори про Америку!” — строго наказала мама. “Мы собираемся в отпуск в Турцию! Это очень важно! Билеты у нас в Мексику, а что мы попадем в США это вилами на воде. Твой папа сам ни билетов купить не может, ни анкеты на документы заполнить! Я не сделаю, никто не сделает!” — инструктировала Лариса сына.

Женьке стало обидно за папу, который покупал ему куриные нагетсы, картошку фри с игрушкой, мишки гамми и всегда угадывал по описанию персонажа из Doom Eternal. “Но папа же купил нам билеты в Мексику!” — гордо сказал Женя.

“Купил! Его родственники купили!” — фыркнула Лариса. Ей до сих пор не верилось, что хоть какая-то часть идиотского плана мужа воплощалась. Что он что-то смог без неё. “В Мексике я еще не была! А вот Филатовы были семь лет назад! Им так понравилось, рассказывали часами про парки, шоу, пирамиды и синоды! Фоточки с лазурного моря в моем черном купальнике будут отлично смотреться!” — думала она.

А потом все менялось в жизни Женьки быстро. С маленьким чемоданом вещей он, готовый к приключениям и всему новому улетал из родного города. Обнимал бабушку, деда их любимый и единственный внук. Дядя тоже приехал в аэропорт проводить семью старшей сестры. Мужчины жали руки, женщины плакали, Женька не чувствовал ничего, он тыкал в экран телефона, собирал яблоки трактором.

«Жень идём! Посадку объявили!» — гаркнула мама и вырвала из рук телефон.

Вова

Вова приехал в Колорадо летом двадцать второго. Всё началось, а может, точнее было бы сказать, закончилось 24 февраля 2022.

.....

.....

Грохот, перепуганные родители, удушающий животный страх. Сначала хотелось бежать, потом Вова осознал, что тело его не слушается, оно замерло, окаменело. Ужас уже забрался под кожу, и выпустил острые шипы. Что происходит? Такого не может быть? Родители собирают пакет с необходимым: теплая одежда, вода, бутерброды, крекеры, с кем-то созваниваются. “Всё хорошо, котик! Мы идем в безопасное место. Там будут наши друзья.”— постаралась улыбнуться мама.

Свой шестой день рождения Вова отпраздновал в подвале, где они жили, не выходя на улицу почти месяц. И пусть там не было окон, пахло резиной, зато там же были все его друзья, с которыми они не расставались. Пашка, Лёлик и Миша. Самые лучшие друзья на свете. С ними никогда не скучно, интересно играть в настольные игры, прятки, да в любые игры, для них не жалко даже новые игрушки. Благодаря им, казалось, день рождения растянулся на весь месяц. Родители по очереди выходили в город за вещами и продуктами, все остальное время молча листали новостные ленты в телефоне. Мамы часто плакали, папы молчали. Каждое утро взрослые нервно хватались за телефоны, электронная переписка с родными и друзьями. Изредка слышался грохот снаружи.

В апреле Вовка с мамой и сестренкой выехали в Польшу. Папа остался в Киеве, собирал документы на выезд. Вокзалы, аэропорты, люди, которые пытались помочь, и потерянные люди с опустошенными горем и ужасом взглядами, люди, не понимающие язык, люди, которые куда-то спешат, люди с собаками или кошками, и люди, у которых ничего не осталось. Яркий калейдоскоп судеб вертелся перед глазами в залах ожидания. Дорога. Долгая дорога куда? В новый дом? Сможет ли Вова когда-нибудь почувствовать себя дома. В домике. В

безопасном и уютном мире любви и заботы, где его не достанут горе и страх. Мама говорит, что папа обязательно к ним прилетит. Но взрослые иногда сами не знают, чего ожидать. Комнаты, дома, и снова вокзалы, поезда, автобусы.

Вова знал, что бывает война. Он родился в 2016 в Донецке. Там у него жила любимая бабушка Валя и родной дядя Вася. Они любили Вовку просто так, за то, что он есть. Любили его торчащие уши, хитрую улыбку, прищуренные голубые глаза, белобрысую непослушную челку. И Вова их очень любил, таких родных, так похожих на маму. Но война даже, когда не гремела и не стреляла, опустошала города, закрывались кафе, магазины, садики. Уезжали, уезжали жители. Веселые беззаботные парочки не бродили вечерами по улицам. Старой костлявой старухой война нависла над областью. Уезжая в Киев, Вовка не грустил, он ещё был слишком мал, чтобы предаваться печалю. В столице все жили мирной обыденной жизнью, что, как теперь понял Вова, было абсолютное человеческое счастье. Серая безысходность осталась где-то за блок постами. Ее стерегут солдатики с оружием. Чтобы она не расползлась и не сожрала другие города, полные жизни, радости и всякой беззаботной чепухи. Но вот война пришла и в Киев. “В Донецке бомбят? Не может быть,” — сомневалась мамина знакомая. Мама злилась, что весь мир решил не замечать, что её город, надежды и планы разрушены. Мамино сердце в руинах и саже. И никто, никто, не хочет верить, что в Донецке война. Но сейчас война, голодным прожорливым чудовищем стучит бомбами по домам мирных людей. И все бегут, под вой сирен, и живут в постоянном страхе. Вовке хочется поскорее об этом забыть. Забыть так хорошо, чтобы война даже не снилась.

Вот милая забавная старушка в старомодной шляпе. Какая мадам. Вове смешно, он тыкает пальцем. А мама хмурится. Она уставшая, бледная, только огромные бирюзовые глаза смотрят на Вовку с заботой и тревогой. Страх проник глубоко под кожу, глубоко в каждую клетку.

Наконец, все документы были собраны, билеты куплены. Семья воссоединилась в Бухаресте, и вылетела в Денвер. Про такой город Вова слышал впервые. Но выбор на штат Колорадо не случайно, именно тут мама нашла поручителя, спонсора. Американскую семью, которые приютили их на месяц. За

месяц надо было получить разрешение, найти работу и снять жилье. Но это пустяки, главное папа был с ними, и они убежали от войны далеко-далеко, на другую половину планеты...

Витя

Витя приехал в Колорадо, когда ему было два года. Не с другого конца планеты, хотя его первый язык, на котором он начал говорить, тоже был русский. Его семья переехала из Калифорнии, где он и родился. В Колорадо он впервые пошел в киндергартен, который он открыто недолюбливал. “Мама, почему ты отдала меня в очень странный детский сад?” — возмущался он. “Что же в нем странного?” — взволнованно уточняла Марина. “Там все дети одинаковые!” — заключил он. Марина захохотала. Сын скептически уставился на маму. Вероятно сомневаясь, в своем ли она уме. “Дети не одинаковые! Просто в твоей группе есть братья двойняшки! Это когда у одной мамы рождаются сразу два или несколько очень похожих детей!” — женщина попыталась объяснить пятилетке, который впервые столкнулся с чудом природы. “Всё равно странный детский сад! Там все дети двойняшки!” — проворчал он.

Виктор был третьим ребенком в семье. Старшие сестры, как и положено старшим, всегда поучали и контролировали “бейбичку”. Так что “бейбичка” рос в глубоком убеждении, что ему как минимум тринадцать, и старался нисколько не уступать сестрам, перенимая их манеры и тон. Особенно хорошо у него получалось высказывать претензии матери.

Однажды, в возрасте шести лет, выражая недовольство способами его воспитания, Витя запускал в маму свои трусы. Доставал пару из ящика шкафа, натягивал резинку на указательный и большой пальцы и оттягивал резинку пальцем правой руки. Получалась рогатка, отпустив палец, трусы летели в цель. В лицо мамы. Сначала мама натянуто улыбалась и вежливо просила так не делать. Но Витя вошел в раж. В маму летели трусы-снаряды, когда она мыла посуду, когда готовила, когда читала и даже во время видео звонков по работе. Ни

уговоры, ни угрозы остаться без мультиков или десерта, не останавливали бунтаря. И вот мама разозлилась! “Если ты еще раз стрельнешь в меня трусами, да ещё и грязными! Я их выброшу в мусорное ведро...” Трусы попали точно маме в нос. “Ха-ха-ха!” И так пара за парой трусы действительно отправлялись в мусорку. Кто же победит в этой схватке многодетная мать или младшенький в семье? Мама пила чай, вокруг неё ходил Витька, крутил трусы на указательном пальце и размышлял вслух, хитро поглядывая на маму. “У меня остались последние трусы!? Запускать ли нет! Запущу! На мне еще одни есть!” — решил он. Тут Маринино терпение коснулось дна. Она выхватила трусы, и поставила сына в угол. Хотя и сама не понимала смысла этого педагогического приема. Простояв лучшие часы своего детства в углу, разговаривая с домовым за стенкой, она не считала такое наказание эффективным, но именно сейчас ей самой нужна была пауза, чтобы успокоиться. Конечно, рассуждала она, пусть ходит без трусов. Но ведь ужас заключался в том, что, если ему понравится так ходить?

Ночью, когда Вите снились кошмары, он стучал по стене посреди ночи. Родительская спальня и его комната имели смежную стену. И мама всегда приходила. Мама иногда спит с Витей даже сейчас. И пусть ему почти восемь. Мама хоть и заставляет есть противную липкую кашу по утрам, каждый раз Вите приходится демонстративно оставлять тарелку нетронутой овсянкой на столе, с воткнутой стоящей ложкой в знак протеста, но все же мама — лучшая защита от монстров и пришельцев. Ведь мама большая и пышная, её съедят первой. Для прочих людоедов из кошмаров мама куда аппетитнее, чем доходяга Витька. Он пусть и высокий для своего возраста, но худущий, одни косточки. “Мам, полежишь со мной перед сном?” — ласково просил он. И Марина устраивалась на краю одинарной кровати. Она обнимала младшего ребенка, и думала, как же быстро проносится время, детство ее детей водой утекало сквозь пальцы. Они уже такие взрослые, а ее рука до сих пор помнит, как нежно, но крепко сжимала их мягкие крошечные ладошки. Она отдала лучшие годы детям, но лишь благодаря им эти годы и были лучшими. Пусть она не высыпалась, уставала, не ходила на концерты, не вела активную социальную жизнь, она была всем миром для этих маленьких человечков. Любила, уважала их личности. Знакомилась с ними из года

в год. Как будто при рождении ей дали семечко, и при хорошем уходе, заботе и любви, семя росло! Росли эти удивительные люди, такие интересные и замечательные, которых с каждым годом она узнавала все больше и глубже. Как ей повезло, думала она, и глаза наполнялись слезами. Как повезло! Дело даже не в родительской гордости. Ни награды, ни медали, ни отличные оценки в школе, ни привлекательная внешность дочерей (старшей было семнадцать, а средней четырнадцать) служили поводом для родительской радости. А бытовые мелочи. Дочери могли подойти, обнять без повода, сказать: “Я люблю тебя, мам!”. Этого хватало, этого было больше, чем она могла желать, с ней не делились самым сокровенным, не было рассказов про первую любовь или симпатичных мальчиков, но она не давила, и не выпытывала, и даже не ждала. Это их жизнь, если захотят поделиться или совета, я буду рядом. Марина не хотела жить жизнью детей, она наслаждалась собственной. Жизнью матери, которая видела результаты своих трудов. Все байки и ужастики про трудный возраст и неадекватных подростков развеялись в прах. Нужно всего лишь уважать в ребенке личность, а не требовать полного послушания. Всегда можно было торговаться и найти вариант, устраивающий обе стороны. Хотя тут же осекалась, вспоминая горькие случаи про проблемных детей. “Нет, нет моей заслуги. Мне повезло с детьми.” — шептала она. “Спасибо! Спасибо!” — благодарила она Бога и Вселенную, и детей.

С мужем Марина ладила, их отношения были гармоничными. Как одна команда они справлялись с трудностями и хлопотами. Но все рушилось, словно карточный домик, когда приезжала свекровь. Ибо свекровь она справедливо считала кармическим наказанием, за все зло, которое Марина и все её предки до двенадцатого колена причинили другим. Другого оправдания “за что все это?” она не могла найти.

Марине пришлось глубоко изучать психологию, что хоть как-то себе объяснить логику поведения матери мужа. За восемнадцать лет совместной жизни, а Белла Наумовна жила с ними по пять шесть месяцев в год, чтобы не потерять вид на жительство, Марина так или иначе разобралась в психических отклонениях и сценариях манипуляций пожилой родственницы. Первое время Марина очень хотела понравиться, очень хотела стать любимой дочерью, обрести

заботливую мать в лице свекрови. Но и помощницу с детьми или хозяйством она тоже не обрела. Это была эгоцентричная особа, которая требовала внимания и развлечений. Путешествий, ресторанов и дорогих подарков. Подарки Марину не смущали, жадность ее не душила, но постоянные упреки и унижение, когда Белла Наумовна, принижая невестку, хотела самоутвердиться, выводили из себя. Мать ревностно цеплялась к Марине, чтобы каждый раз доказать всем (сама то уж она не сомневалась), что Белла Наумовна во всём лучше Марины. И готовит лучше, и выглядит стильно и элегантно, не то, что эта деревенщина. Одним словом королева. Служите мне и поклоняйтесь. Вся спесь свекрови и её жалобы на невестку мужу задевали сильно, а в последнее время откровенно выбешивали.

Несколько лет назад Марина в очередной раз должна была волонтерить в школе у Сони, средней дочери. Она попросила свекровь посидеть с маленьким Витей, коль уж та живет с ними. Но проснувшись утром, Марина обнаружила что ни свекрови, ни мужа дома нет. У Вити резали зубы, всю ночь Марина не спала, баюкая и качая младенца. А под утро, когда боль отпустила и ребенок уснул, Марина выключилась так, что не проснулась от будильника, к тому времени муж и его мамой уехали. “Вы где?” — написала сообщение Марина. “Мы на узи!” — сухо ответила Белла Наумовна. “Но я же волонтеру сегодня? Вы должны были остаться с Витей? Почему же никто меня не предупредил?” — Марина начинала злиться. “Я хотела предупредить! Но ты спала!” “А вчера? А позавчера?” — остервенело стучала по экрану телефона Марина. Найти замену Марина уже не успевала, подвести учительницу она тоже не могла. Женщина схватила слинг, аккуратно переложив сына в автокресло, молясь всем Богам, чтобы он не проснулся и не расплакался. Сложила в ланч боксы обед старшим девочкам. Отвезла девочек в школу. И волонтерила с ребенком в слинге. Витька, к счастью, так удивился новой обстановке, что расплакался уже только в машине на обратном пути. Всё что ждала Марина от свекрови, банальное извини. Но Белла Наумовна не из тех, кто извиняется. Для русских людей прошлых поколений, извинения равносильны самой страшной пытке, как невыносимое унижение. Поэтому вернее было начать с атаки и наорать на невестку, ибо кем она себя возомнила, чтобы из-за нее отменять узи пожилой «больной» женщины? Итак, вот

уже три месяца Белла Наумовна ходит по американским врачам, а они как один твердят, что она здорова. Да в России давно бы уже что-то смертельно опасное у нее обнаружили. А эти бездельники, тупицы, ей Богу. Вся надежда на узи. В итоге Марина решила игнорировать свекровь. И просто молчать. Тут разъяренная Белла Наумовна прямо перед невесткой позвонила сыну на работу, и на повышенных тонах начала жаловаться. “Да, что она себе позволяет? Да как она может так обращаться с твоей матерью?! Я уеду и никогда к вам не приеду. Всё из-за твоей жены, Антон! Разберись уже!” — визжала она писклявым голосом в трубку. У Марины заколотилось сердце, когда она увидела входящий. “Ты что себе позволяешь? Ты что офигела?” — доносился из трубки голос мужа. Марина сбросила. “Нет уж, ребята, офигели тут вы!” — подумала она. “Вы не предупредили, что не посидите с Витей, не извинились, и орете на меня! Это же моральное насилие!” — прозрела Марина, и ничего не говоря вышла с ребенком из дома.

По дороге в школу у Марины начала неметь левая рука. И когда она поняла, что не может ей управлять, руку будто выкрутили, конечность не слушалась. Мышца жесткая, как камень, сжималась сильнее, пальцы растопырились, в памяти всплыли кисти людей с ДЦП. А потом стало тяжело дышать, и Марина почувствовала, что умирает. Страх овладел разумом. “Дыши! Дыши!” — говорила она себе: — “Я везу детей, надо припарковать машину!” Надо спасти детей. Она набрала номер, рыдала, чтобы муж забрал детей, она не может водить. “У меня свело руку! Я не могу ей двигать! Я умираю! Я не могу дышать!” — кричала она. И тут её прорвало! “Я ненавижу твою мать! Я ее ненавижу! Ненавижу вас обоих!” — и с каждым ненавижу, с каждым словом дышать становилось легче, будто с криком она рвала туго стянутую грудь колючую проволоку! Ненависть Марина испытывала впервые. Это очень сильное чувство, оно сжигало внутренности до тла. Да, она сильно ненавидела свекровь. За то, что так хотела, чтобы Белла Наумовна приняла её, считала своей семьей, считала её своей. Чтобы ценила и жалела. И теперь Марина ненавидела её за всё то, что свекровь не хотела, да и не могла ей дать. “Я устала! Я не хочу с ней жить! Я не хочу жить с вами!” — рука наполнилась теплом и пальцы зашевелились.

Позже Марина поняла, что у нее была паническая атака от напряжения, недосыпа, обиды! Но то сладкое ощущение свободы, свободы слова, она запомнила на всю жизнь! И она обязательно научит детей уважать себя, отстаивать границы! Расскажет про токсичных людей и их манипуляции. Она защитит свой детей.

Женя

В Мексике Горшаковы (Женькина семья) поселились в городе Монтерей. Приложение для резервирования даты собеседования на пропускном пункте отслеживало локацию и работало лишь у тех, кто был недалеко от границы. Каждое утро ровно в восемь утра родители пытались “поймать дату”. Переполненные надеждой, тыкали в экраны смартфонов. Жора говорил: “Вы только представьте десять тысяч человек в эти же секунды делают то же самое!” Утро за утром программа зависала. Глава семейства пытал удачу в кофейне, с моста, в лобби отеля. А после нужно было как-то прожить до следующей попытки. Мексиканская кухня не нравилась Женьке, еда была острой до слез, у него текли сопلي, а во рту горело так, что Женя чуть не плакал. В гостиничном номере, в котором они остановились, кухни не было, и нужно было подыскивать новое жилье. Сверяясь с информацией в интернете в каких районах города безопаснее останавливаться приезжим, Лариса и Жора присматривали апартаменты с мебелью на съем. Наконец, в социальной сети Лариса догадалась добавиться в группу “русскоговорящие Монтерея”, где почти сразу же познакомилась Аленой из Воронежа. Лариса спрашивала про гинекологов и роды, ещё бы срок приближался. Да и анализы пора было сдать, все ли в норме? Алена в комментарии под постом посоветовала частную клинику, где принимали за наличные. В итоге женщины списались и договорились встретиться в центре города на детской площадке. Алена Кузьмина с двумя сыновьями Сашей и Тёмой, мужем Федей и мамой Ниной Валерьевной тоже пробовали попасть в штаты, и запросить политическое убежище. Алена ходила на протестные митинги, но

решились начать все с нуля в стране свободных и смелых, когда продали квартиру, машину и прочее имущество. Так что дороги назад для них не было. Для полит убежища они подготовили документы и фотографии, которые могут пригодиться в суде. Если выиграть суд, их оставят на легальном статусе и не депортируют, может быть, дадут вид на жительство. “Ты о суде даже не подумал, Георгий?” — возмущалась Лариса. “Ты хоть понимаешь, и что попадем мы в штаты, а нас депортируют? У нас нет никаких доказательств, что оставаться в России было не безопасно! Ничего!” “Не волнуйся, ягодка моя. До суда у нас еще будет полтора года. Разберемся!” — вообще со стратегией у Жоры наблюдались “проблемки”, ему сложно было планировать дальше, чем на один шаг. Очевидно, с таким принципом жилось легче, и сложности поступали в порядке очереди, не пугая заранее. “Не такая уж и плохая тактика.” — хвалил себя Жора.

Кузьмины и Горшаковы подружились. В тот момент жизни они оказались в одном месте, с теми же вопросами, тревогами и сложностями. Кузьмины продумали план до мелочей, и с радостью делились с новыми друзьями полезной информацией. Да, и вместе веселее. По вечерам взрослые и дети играли в настольные игры, пили, ели, разговаривали, жизнь упростилась до одной задачи: «поймать дату».

За месяц в Мексике загар у Женьки стал золотисто-шоколадным. Мальчик выучил несколько фраз по-испански. Жора восхищался дорогими машинами на улицах Монтеррея. С большим удовольствием Горшаковы звонили в Самару и рассказывали друзьям и родственникам о своих приключениях в экзотической стране. «И что ты думаешь? Кошки у мексиканцев посланники сатаны. Да, ни в коем случае нельзя заводить кошку дома.» — круглый живот, больше живота беременной жены, ходил ходуном от смеха. «Знаешь, какое доказательство что кошки пушистые дьяволы? Они всегда находят дорогу домой. Ты выбросишь кошака далеко в джунглях, а он спустя время приходит домой. Нет, клянусь тебе, не уважают мексиканцы кошек.» Жора был в авторитете. Наконец, он значимее, институтских дружков, сыновей богатеньких родителей. Все их фирмы на деньги предков, дома, жены из влиятельных самарских семей. Все утратило вес, потому что Жора рискнул. Они часами на кухнях могут возмущаться о судьбе страны, но

не делать ничего. А Георгий уехал. Он вывез семью. Как же сладостно чувство превосходства, как пленительны перспективы и надежды об американской мечте. Ведь в Америке гребут бабло лопатой. Дорогие тачки, брендовая одежда, поездки. И у нас всё будет.

В то утро загрузилась анкета на Женькином телефоне. «Пап,» — робко протянул он телефон Жоре, покусывающему губы. «Поймал!» — взволновано пробормотал Жора, выхватив трясущимися руками телефон. Ввел данные, загрузил фото. И Опа! «Ждем вас на границе в городе Ларедо, штат Техас, 3 мая в 2:30 pm». «Поймал! Поймал! США встречай!» — кричал Жора. И Кузьмины, а ловили все вместе, искренне радовались за друзей! «Я говорил, что в среднем месяц, три недели прошло. И мы попали!» — бормотал на ухо Ларисе муж. Он целовал ее щеки, красивые глаза, гладкие блестящие волосы. «Я же говорил, говорил, что ты будешь рожать ребенка в США.» — Георгий был счастлив. Он ощущал себя любимцем судьбы, счастливчиком и королем удачи. Королём мира. Женька прыгал на тонких ножках, как кроха-лягушонок. «Ура! Ура! Америка!» — напевал мальчик. Лариса, как могла выжимала слезы радости, ибо стальные женщины не умеют плакать даже от счастья.

Витя

Виктор, так звали Витьку в школе. Дружил и с англоязычными детьми. Но замечал, что мама тяготится общением с их родителями. Что в загруженном календаре музыкалок, танцев и кружков старших сестер и его, маме трудно выделить время на плей дейты. С какой легкостью она сблизилась с мамой Вовки, как она старается им помочь освоиться. А однажды, когда Ира мама Вовы забрала его на празднование день рождения Вовки в лазер таг. Они встретили всех Витькиных школьных друзей: Майлса, Джеймса, Лукаса и Кевина. Одноклассники отмечали день рождения Майлса, на который Витьку не пригласили, но какое совпадение, он попал туда с Вовой. Было весело, Витька и Вовка играли с мальчиками дружно и весело в одной команде. Но Марина

напряглась, она знала, что сына не пригласили из-за неё. Она столько раз отказывала, что Витьку перестали звать. Но, с другой стороны, она не жалела, её дети занимались, развивались ради блестящего будущего в этой стране. Они родились тут, пусть в семье иммигрантов, но это их страна.

Когда приехал Женька с семьей, Марина с таким рвением бросилась помогать. «Боже, я с ужасом представляю, что тебе пришлось пережить, беременной. В Мексике. Сколько стресса. Сколько неопределенности и это на таком сроке!» — ахала Марина, поглаживая круглое пузико Ларисы. «Что же там твориться? Какие же вы смелые, что решились все бросить. А так восхищаюсь вами. А мы что? Мы давно переехали. Мы и подумать не могли. Как война началась, я была в жуткой депрессии, я вдруг понимала, что не узнаю место, и не понимаю где и куда я иду. Я склонная при стрессе есть все, что съедобно, впервые, поняла, какого человеку, когда теряешь чувство голода и не помнишь, когда последний раз и что я ела.» Лариса округляла глаза, но сдерживалась от откровений. «Да, в России не так уж и плохо. Добрую колу стали делать. Она не кока-кола, конечно, но пить можно.» — успокаивала она. «Да и запчасти к иномаркам через Казахстан привозят. Не убивайся ты так, все нормально там,» — улыбалась Лариса. «А что ты ещё можешь отдать? Подушки? Посуду? Ой, здорово. Мы все возьмем. У нас ведь ничего.» Просить и собирать предметы быта в фейсбук группах было унижительно, и статус беженцев жутко раздражал Ларису. Ведь у нее было два высших образования, престижная работа, подчинённые. А тут всё с нуля. Но люди с радостью отдавали много хороших, пусть и б/у вещей, в хорошем состоянии, а иногда и новое, такое на авито стоило бы прилично. И Лариса входила в азарт. Марина привозила еду, забирала Женьку на прогулки, и в гости. Вот только напрягала ее Маринина дружба с украинцами. Хотя никакой личной неприязни Лариса, естественно, не испытывала. И сначала даже обрадовалась, что у Женьки будут русскоговорящие товарищи. Но она чувствовала, что у Женьки с Вовой никак не складывается. А вдруг Вова ненавидит Женю за то, что тот русский? Марину, если и настораживало что-то в Ларисе, то она старалась не замечать или списывала на стресс. Ничего. Они тут недавно, привыкнут. Поймут. Америка всех меняет. Главный урок, которой Марина

усвоила в штатах: «За всё надо платить!» Второй «Никто тебе ничего не должен.» Эти уроки даются не просто. Ладно, освоятся, не так уж и просто всё бросить и приехать на другой конец земли. «Ты же понимаешь, у меня все было, мы с мамой только в Италию путешествовали раз десять. А потом хоп. И они запретили въезд. Так несправедливо. А санкции. У нас дети в онкологии не могут зарубежное лекарство получить. Дети! Ты считаешь, это нормально?» — жаловалась Лариса. «Но это же из-за войны. Ты же понимаешь, что Россия напала? Старый обезумевший диктатор начал несправедливую ужасную бойню!» — разъясняла Марина. «Да, но президент сделал много полезного тоже. Выплаты материнские, дороги у нас хорошие построили, новый аэропорт,» — Ларисе было не приятно поливать помоями страну, которая так много ей дала. И какой-то потаённый страх не позволял ей высказаться против. У Марины в горле застрял ком, она вспомнила фрагмент документального фильма о послевоенной Германии и фразу «Но Гитлер сделал много полезного...». Ненависть, она не испытала, но её охватывали ужас и жалость. И в этом коктейле чувств и эмоций проскользнула надежда. Вдруг ей удастся донести до новой знакомой истину. Несмотря на чистые душевные порывы Марина не смогла подобрать ключ к душе Ларисы. Ведь замок в Ларисину душу был наглухо заперт завистью к их благополучию и чувством собственного превосходства.

Именно тогда Марина осознала, что у нас не один мир с восьмью миллиардами людей, у нас восемь миллиардов проекций мира, где каждый человек живет в уникальной параллельной реальности, иногда даже общаясь друг с другом, мы не в силах понять. Слишком разные эти миры. Марина вкладывала заботу и сострадание в Женьку. Но Витька Женьку недолюбливал. «Он скибиди, мам. Он только хвастается и про игры из телефона рассказывает. А ты не разрешаешь нам столько экранного времени. Я про этих героев ничего не знаю.» — Витька был жутко недоволен, что Женька опять у них гостит. «Я лучше бы к Вове пошел. С ним интересно. Мы играли в лагерь, строили шалаш из веток.» — с детской непосредственностью высказывалось чадо. Марина сжалась, но старалась не подавать виду. «Жене просто непривычно тут. Он скучает. Все

наладиться, вот увидишь. Летом вы все вместе будете ходить в лагерь с бассейном и играми. Здорово?» — не сдавалась она.

Вова

«Мам, я ударил его. Прости. Женька сказал, что Россия больше, сильнее, и что Россия обязательно победит. Россия всегда побеждает!» — Вовка рыдал, зарывшись в колени матери. Глаза Иры предательски щиплело, сколько она сдерживала слезы? Потому что нельзя плакать перед сыном. Он должен знать, мама крепкая, она держит весь мир. Она давно не плакала. Сначала нужно было вытащить детей и мужа в безопасное место. Переезды, поиски жилья, работы. И вот слова сына прорвали плотину, и слёзы ручьем текли по щекам. И мир... не рухнул...

Все эти месяцы она корила себя за побег, за то, что её друзья остались в Украине. В голове звучал Вовкин вопрос: «Что папы Миши, Лёлика и Паши умрут на войне?» А Ира и её близкие выжили, они сбежали, они виноваты. Только ради Вовы и Алисы она заставляла себя жить, работать, общаться с людьми. Она умела отвлекаться, устраивая небольшие поездки, приключения. На день рождения Вовки они собирались в Дисней ленд. «Я все распланировала, дети. Нашла билеты по акциям, со скидкам.» — с горящими глазами рассказывала она. Ведь её дети заслуживают детство, как и все другие. Они ничем не хуже остальных. Почему у её малышей отняли беззаботное время радости? Всеми силами она пыталась вырвать хоть крупицу беспечного детства своих детей из костлявых лап войны. Она жила надеждой, что справедливость восторжествует. Тиран будет повержен, её родина вновь станет свободной и безопасной. «Россия сильнее, она победит. Она всегда побеждает!» — Женькины слова разъярили её. Ей захотелось истребить любого, кто снова попытается разрушить спокойствие и радость её крошек.» Она представила властную Ларису и пугливого Жору и мысленно превратила их в дым. Свист, оглушающий хлопок, грохот, тряска... Дым, пыль и пепел. И оглушительная тишина. Смерть оглушает тишиной. «Вовик,

котик. Это не так. Победит тот, кто прав. А не тот, кто сильнее.» — успокаивала Ирина. Но продолжала плакать, потому что сама с трудом в это верила.

Женька

Кузьмины «выиграли» собеседование, когда Горшковы ожидали своё. Счастливчик Жора «словил» дату на свой телефон и для Кузьминых. Но попав в США, Кузьмины отправились в Сакраменто, и с яркими подробностями описывали впечатления. «Мы тут живем в спокойном тихом Колорадо, американцы не просто отдали нам кровать для Женьки, они её на грузовичке привезли её к нам в дом.» — удивлялся человеколюбию Жора. «А у Кузьминых сегодня темнокожие устроили перестрелку под окном. Жуть! Ты можешь себе представить?» — восхищенно делилась Лариса с Мариной. «Как ты себя чувствуешь? Как думаешь, когда родишь? Что сказал доктор, принимают без страховки?» — участливо спросила подруга. «Доктор сказал, что как получим социальную страховку, она все покроет. Но он особо не в курсе, это в приемной объяснила администратор. Да скоро уже рожу, главное жилье нашли. Съехали от родственников. Ненормальные какие-то. Запрещают Женьке при их детях в видео игры играть. Только в нашей комнате. Может его запереть там?» «А, это наверное, ограничение на экранное время. У нас так же,» — заметила Марина. «У ребенка стресс. Он страну поменял? Уехал неизвестно куда. Какое им дело?» — возмущала Лариса. Женька слушал краем уха, и был доволен, мама его защищала. Как-то раз Марина не дала ему банан. «Фрукты и десерты после еды.» — сказала хозяйка дома Витьке и Женьке, и поставила по тарелке супа. Витька доел. Женька побежал жаловаться маме. Лариса вознегодовала, как Марина посмела не дать её сыну жалкий банан. «Тетя Марина, и почему это ты моему Женечке не дала банан? У нас бананы можно детям.» — Лариса оторвала от связки желтый фрукт и протянула сыну. Женька не смог скрыть радости и торжеством победителя показал Марине язык. Марина ощутила глубокую грусть. Почему-то перед глазами промелькнул образ Ирины, которая благодарила за

одолженную книгу «Волшебник изумрудного города», Вовкину любимую. Ведь им пришлось оставить все книги в Киеве. Марина читала Витьке каждый вечер, старалась сохранить русский язык. Ушел год после февраля 22-го, на то, чтобы Марина снова обрела смысл в его сохранении и изучении. Язык — это всего лишь средство. Я родилась русской, я не могу это изменить. Почему питерские бандиты решили, что только они владеют страной и языком, русские — это и мы, кто против войны? Лариса не читала Женьке вслух. «Быстрее бы закалякал на английском. В Самаре час с хорошим репетитором тысячу рублей стоит. Хоть какое-то тут преимущество.» — поясняла она.

«Надо было ехать к Кузьминым. Тут тухло!» — размышляла Лариса, попивая чай на уютной кухоньке. Вот уже три дня они жили в съемном домике, помыли его, обставили. Лариса посадила огурцы и помидоры в небольшом огороде. «Уже два месяца нет разрешения на работу. Жора работал за наличку разнорабочим, где придется. На прошлой неделе копал траншею для поливной системы. А ведь он доктор, стоматолог. «Вот Федя Кузьмин получил разрешение на работу уже через месяц. Сейчас он на доставке, Алёна на заказ пельмени крутит, получают прилично, между прочим. В комплексе апартаментов у них бассейн, и платят за жилье меньше, чем мы.» — предъявляла мужу Лариса. «Но ты сама же захотела дом. Я предупреждал, что не потянем,» — недоумевал Жора. «Я думала, твои богатые родственнички помогут. А от них помощи ноль, даже в школу Женьку не помогли устроить. Сказали, чем быстрее мы сами разберемся, тем быстрее адаптируемся. Свинство! Какого хрена они нас уговаривали сюда приехать, если не помогают?» — возмущалась Лариса. «Вопервых, они не уговаривали, Макс раз десять повторил, что это наше решение. Не скидывай со счетов и то, что они встретили нас на границе, подарили хорошую коляску малютке. И отдали много вещей.» — оправдывался Георгий. «Коляска хоть и брендовая, но модель предыдущего года. Вещи пусть и новые, но что им стоит. Они богатые, Жор. Им в удовольствие подачки раздавать, чтобы нас лишний раз унижить. Видел дом у них какой, две машины. Тьфу. Могли бы родственникам и больше помочь. Мы же рассчитывали. Мы как никак без всего остались в новой непонятной стране. Без родных!» — Лариса негодовала. «Ну,

они сами тоже без всего сюда приехали,» — неосторожно рассуждал вслух Жора. «Ну и вали к ним. Бросай меня с детьми, одну! Раз их защищаешь!» — закричала Лариса. «Прости, милая. Я не защищаю никого. Но ещё денег у них занимать не буду.» «И Марина эта, дура, бесит меня. Я сказала, что Вова ударил Женьку из-за ненависти к русским. А она говорит, может Женя что-то сказал обидное? Витя же тоже русский. Ага русский с акцентом разговаривает: «водУ» да «водУ» вместо вОду. Украинцы нас ненавидят, даже тут в Америке. Нас все тут ненавидят. Даже родственники. Это же очевидно!» — в черных зрачках Ларисы полыхало пламя ярости. «Нет, не все. Тут все дружелюбные, улыбаются. Поддерживают. Спрашивают, чем помочь.» — Жоре и правда нравилось в штатах. Он с горечью наблюдал, как супруге все здесь опротивело. «Надо ехать в Калифорнию. Какого черта, мы прозябаем в этой деревне? Тут сходить некуда!» — Лариса поправила волосы и погладила живот. «Максим сказал, тут все в горы ходят,» — аккуратно вставил Жора. «Горы? Что там делать? Комаров кормить?» — хмыкнула жена. «Ой, Жорик. Кажется началось. Рожая. Звони Марине, пусть заберет Женьку. А нам в роддом.» — Лариса протяжно застонала. Схватки! «У нас родится американец! Он сможет стать президентом США!» — в узких глазках Жорика мелькнула тень радостного волнения. «Бегу милая, Ларисочка, душечка моя. Сумку? Автокресло? Что ещё?»

Вова

Богдану, папе Вовки, очень повезло. Он получил разрешение на работу уже через две недели. И смог устроиться официантом в кафе. Посетители спрашивали про акцент, и охотно оставляли чаевые. Ирина брала в группах социальных сетей заказы на выпечку. Соседка предложила организовать сбор, чтобы они смогли купить машину. «Тут никуда без машины,» — объясняла она. «Это уже мы поняли,» — вздыхала Ирина. «Если так дела пойдут, сможем скопить на квартиру в Киеве, не в центре, конечно, но все-таки,» — радовалась Ирина. «Ты всерьёз думаешь, мы сможем вернуться?» — удивлялся Богдан. «Конечно, у

меня там родители, брат, любимые подруги. А что у нас тут?» — с печалью говорила она. «Там у нас только прошлое. Тут — будущее. Только и всего.» — отвечал муж. Поначалу Америка казалась страной возможностей. И чем больше Богдан вкладывался, тем глубже он вкапывался в новое место, больше видел для себя возможностей, одержимей поглощался американской мечтой.

Алисе младшей дочери, когда они приехали исполнилось два. Она много плакала, и плохо спала. Вовка сердился на сестренку, ведь родители всегда были заняты ей. А его заставляли делать домашку. Он учился в украинской школе удаленно. И в американской школе каждый будний день. У Вовы появились в классе друзья. Ирина с Богданом познакомились с семьями из России. «Не все россияне поддерживают войну,» — как-то сказала ему мама. И поначалу он радовался, что можно говорить по-русски. Но Женька хоть и был на полголовы его ниже всегда задибался и хвастался. Витя Вове казался немного странным, часто ставил неправильно ударения, многих слов не понимал. Тут не было долгих совместных посиделок, как с их друзьями в Киеве. У Вити были кружки и спортивная секция, просто так нельзя было погулять и поиграть каждый день. «Марина работает или Витя занят, они не могут придти в гости,» — терпеливо объясняла мама. «Тут все вечно работают. Папа тоже всегда на работе.» — сердито замечал Вова. Несчастье сына не просто терзало Ирину, оно погружало её на дно океана чувства вины и отчаяния. «Зачем мы здесь? Найдем когда-нибудь тут своё место,» — думала она. Всплыть на поверхность помогали подарки, поездки. Видеть, как радуются дети, было главным смыслом и обязанностью Ирины.

После драки с Женькой Ирина перестала водить Вову в лагерь. И общаться с Горшаковыми тоже. Женщина из администрации вызвала ее на разговор, попросила Вову извиниться, сказала, что насилие не допустимо. Затем Ирине пришлось выслушать причитания Ларисы. «Женя сказал, что Вова его ударил, потому что он русский. Это очень обидно,» — всхлипывая, полушепотом поделилась Лариса. «Мне очень жаль,» — сквозь зубы выдавила Ирина, развернулась и ушла. Женьку выдавать она не стала, тонкая едва заметная надменная морщинка на молодом красивом лице Ларисы выдавала её жестокое

сердце. Зато после этого эпизода она сблизилась с эмпатичной Мариной. Марина умела чувствовать, понимать каждого, принимая его боль, как свою, и не осуждая за слабости. Это был её способ выжить в мире, переполненном ненавистью. Это было скрытой силой тревожника. Она мысленно оправдывала каждого. «Я тоже не герой. Мы просто выживаем. Что есть наша короткая человеческая жизнь в масштабах истории? А ведь это единственное, что у нас есть,» — рассуждала Марина. Когда Ирина досадовала на Ларису, и на горячую руку обобщала, что все русские такие. «Мы тоже русские,» — с глубокой досадой напоминала Марина. «Нет, вы уже давно тут. Вы почти американцы.» «Ох, уж это почти...» — вздыхала собеседница. Марину ни раз уже называли американкой, и свекровь, и Лариса, вот и даже Ира, она искренне негодовала, но никто не мог поколебать её стойкое убеждение. Ты тот, кем себя считаешь, даже мои дети, которые родили и выросли в США считают себя русскими, что говорить о нас, мы родились и выросли в России. Именно поэтому её так волнует то, что сейчас там происходит. Она не равнодушна. Именно потому, что — русская.

Женька

В начале сентября Горшаковы с трехмесячной малюткой на руках все-таки переехали в Калифорнию. «Главное деньги. Деньги — это возможности! Даже, если придётся вернуться в Россию, что я потерял? Машину? Зато я рискнул! Сейчас у нас такие возможности.» — любил повторять Жора с нескрываемой гордостью. И деньги на переезд у них были, хоть и заканчивались очень быстро. Всё лето Жора, лежа на диване, смотрел кино и играл в видео игры, а Лариса нервно покусывала губы и причитала. «Кузьмины зовут к себе. У них в комплексе десять русскоговорящих семей. Они разобрались и обещали помочь встать на учет в суде, разобраться с документами, страховкой и школой. Тебе срочно нужна работа, Жорик.» — смотреть на мужа, лежащего без дела, было настоящей пыткой для Ларисы. Все её тело протестовало, вызывая звериный гнев. Тем более сейчас, когда она так устает с новорожденным. Невыспавшаяся Лариса

нервно покачивала Вадима. Второй ребенок дался ей тяжело. Роды прошли хорошо, без осложнений. Но в Америке никто не заботиться о роженицах. Они оставили ребенка в палате, не дав матери выспаться и отдохнуть после родов. Жора был рядом, с глупой счастливой улыбкой. «Чем ты не довольна, милая? Всё так замечательно. Все такие вежливые!» — беспомощно лепетал он. Потом бессонные ночи. Семь лет назад с новорожденным Женькой ей помогала мама. Милая мамочка, как Лариса по ней скучала. Наверняка, бабушка там убивается без любимого Женьки. Лариса вышла работать, когда Женьке было шесть месяцев. Она всегда работала, не то, что эта бездельница Марина. У неё муж зарабатывает, а она домохозяйка. А Жора всегда ссылался на отсутствие пациентов, на высокие проценты хозяина стоматологической клиники, миллион причин, результат один: муж на диване. «А я не могу без маникюра и прически, я привыкла выглядеть престижно, я не сидела дома, шестимесячный Женька с мамой остался, я уже вышла на работу.» — говорила она мужу. И Жора понимал. Его красавице жене нужны гелевые ногти и кератин для выравнивания волос. А деньги найдутся, Лариса всегда находит, да и Жорик зарабатывает. На машину то он заработал. Квартиру его мама подарила. Ещё бабушкина квартира осталась в Кемерово. Она на Жорика записана. Он жених с приданным, не пройдоха с улицы, пусть уважают. Поработал хорошо, помыл туалеты, пропылесосил, что и полежать посмотреть кино нельзя? А по ночам он не может вставать к плачущему ребёнку, у него давление. Так что Лариса пусть сама, она же мать, в конце концов. Ох, этот вечно орущий Вадим, сущее наказание. Женечка был таким тихим.

И правда, Женька был послушным ребенком. При маме он почти никогда не плакал. Был тихим и послушным. Никогда не бросался на пол, Боже упаси, как другие невоспитанные дети. Ходил с папой за ручку. «Кто мой милый мальчик! Ми-ми-ми!» — Лариса вычитала в каком-то посте, что нужно проводить с ребенком минутки нежности. «Какой же ты у меня лапочка,» — умилялась строгая мама. Глядя в его большие карие глаза, она таяла. С другой стороны, она почти ни в чем его не ограничивала и не отказывала. Он играл в игры на телефоне или компьютере сколько хотел. Папа с радостью баловал его сладким. Женька умел при людях говорить то, что было нужно маме. Кого-то он слушался, а кому-то

всячески пытался показать, что его мама всегда самая главная. А он её мальчик. Он очень волновался, что новый ребенок полностью завладеет маминым вниманием. Но Женька знал, он не пропадёт. Выкрутиться, маме нравится гордиться сыном. Он быстро плавает, ровно пишет в прописях, старательно учит английский, вежливо разговаривает с бабушкой. По которой он старался не скучать. Так можно, видео игры всегда отвлекают от грустных мыслей. А в этом Колорадо у Жени никак не получалось найти друзей. Таких, как дома. Чтобы он был всегда самый крутой, самый быстрый среди них. Ведь только тогда все хотят с тобой дружить. Но в штатах это правило почему-то не работало. В летнем лагере американский мальчик отобрал его кепку и бросил на землю. Женька полез драться, но его соперник был на голову выше и крупнее, он просто отшвырнул Женю. «Моя кепка лучше твоей!» — задибался Женя, он надеялся, что мальчик захочет дружить с Женькой. От Вовки вообще фингал под глазом красовался. Но Лариса и не думала забирать сына из лагеря, во-первых, у неё второй на руках, еле справляется. А тут с восьми утра и до четырех вечера. И потом в этом лагере для беженцев хорошие скидки и даже снеки какие-то им дают. Женька знал, что маме тяжело. И что ему нужно социализироваться, поэтому даже не просился остаться дома. Ходил в лагерь каждый будний день. Иногда там было весело. В дни бассейна. Ведь в России у Женьки был разряд, он плавает лучше всех в группе. Лариса считала себя хорошей матерью, и, возможно, в чем-то это было правдой. Она выполняла всё, что считала нужным для своих детей. Выкладывалась на максимум, но только материнство не приносило ей отдачи, ни финансовой независимости, ни социального статуса. Это черная дыра ответственности и обязанностей, которая засасывает женщин в бездну. Она с трудом сдерживала презрение к женщинам вроде Марины, которые ходили в салон раз в полгода, ногти неухоженные с кутикулой, фигура запущена, спортивная одежда, вечно уставший вид и мешки под глазами. Нет, она не могла себе позволить опуститься на это вязкое дно. Поэтому уже подыскивала ясли для Вадима. И всячески привлекала Жору к заботе о ребенке. Утром по будильнику вставал Жорик, будил, кормил хлопьями с молоком Женю. И отвозил к восьми в летний лагерь. Лариса спала, пока спал Вадим, после бессонной ночи, укачивая

младенца, она была разбитой и часто агрессивной. Едой и уборкой тоже занимался муж, потому, как на работу он ещё не устроился. Вадим не плакал на руках, поэтому его постоянно приходилось таскать. Слинг, который подарила Марина, валялся у входа. Им пользовался Жорик на прогулках. Чтобы свободной рукой держать Женьку за руку. Ему было приятно ощущать себя отцом двоих детей. Он ими гордился, животное чувство альфа-самца в собственном маленьком стаде тешило его самолюбие, как и самолюбие многих других мужчин. Лариса наслаждалась свободными часами жадно и страстно, с грудным вскармливанием она завязала почти сразу, после девяти месяцев без алкоголя было приятно насладиться «Проссеко» в компании подруг. Хотя настоящими подругами никого в Колорадо она и не считала. Тоскуя по близким, она выкладывала фоточки прекрасной американской жизни, и радовалась лайкам и слащавым комментариям. Зная, как страстно самарские подруги желали оказаться на её месте. Поэтому Лариса никогда не жаловалась, скрывая свои страхи и усталость. Разве, от одиночества и усталости иногда вываливала волнения Марине. Эта курица, всегда внимательно выслушивает, кудахчет успокаивающие поддерживающие речи. И жалеет Ларису так натурально, что становится тошно. Лариса не терпит жалости, она сильная и независимая женщина. Её родители обеспеченные уважаемые люди, она никогда ни в чем не нуждалась. Она привыкла, что окружающие ей завидуют, а не жалеют. Как же унижительно быть беженкой, как противно, когда тебе сочувствуют, даже, если ты действительно нуждаешься в поддержке.

«Место определяет человека. И человек — место,» — подметила как-то Марина. Ирина молча согласилась, у них самих не было ни сил, ни возможности, ни желания на переезд.

Вовка был рад, что Горшаковы уезжали. Его отпустило мучительное напряжение и боязнь, что на площадке в парке он может встретить Женьку. Он не любил драться, и ударил тогда впервые. Но в глубине души он понимал, что был не прав, даже, только потому что он был выше и сильнее щуплого Женьки.

Витя

Как-то раз бледная мама подошла к Витьке и сказала: «Сынок, в мире началась война. Россия напала на Украину. Если в школе тебе скажут что-то ты плохой, потому что русский. Это не правда. Да, мы русские. Потому что все наши предки русские. Но мы против войны.» «Ты хочешь, чтобы наши победили?» — робко спросил он. «Я хочу, чтобы Россия проиграла, сынок. Потому что страна агрессор должна проиграть. Это сложно понять, а объяснить ещё сложнее, главное, знай, война — это плохо. Мы против войны. И на войне не бывает победителей. Война — это смерть.» Через месяц в школе у Вити появилась девочка из Украины. Она говорила по-русски, и совсем не знала английский. Позвали Витю переводить ей, и они подружились. Витя часто видел, как Ева разговаривала сама с собой на переменах. Дети подарили ей корзинку со сладостями. Марина передала для подарка пряники. Они приглашали Еву в зоопарк и на пикник в горы. Ева была веселой девочкой. За год она подтянула английский, подружилась с одноклассницами, и Витькина помощь ей уже не требовалась. Он был младше её почти на год, хоть и учился в параллельном классе. Так что через год общение прекратилось. Марина очень радовалась, что Ева адаптировалась.

Вообще, у Марины были подруги, из тех, кто в США давно. Но посиделки с друзьями непозволительная роскошь, когда у тебя трое детей и плотный график. Когда Витя ездил с мамой в Денвер к зданию Капитолия на митинг в поддержку полит заключенных и против войны. Он с любопытством наблюдал, как люди махали флагами, плакатами, портретами незнакомых ему людей. А проезжающие машины сигналили им. Народу собралось немного, но почти все русскоговорящие. Люди делились историями, как они приехали в штаты, как им помогали, собирали средства на обучение, или как их обманывали, не выплачивая деньги за работу. Марина печально улыбалась, ей было приятно ощущать себя в кругу единомышленников, но и больно, понимая, как много человеческих судеб разбито в дребезги этой бессмысленной войной. Не говоря уже о тех, чьи жизни она забрала. Каждый раз, когда на Украину сбрасывали ракеты, чувство вины и горя,

уничтожали её саму. Сколько бы ни повторяла себе женщина, что самобичеванием она не сделает никому лучше, она не могла избавиться от тугой удавки хоть и малой доли, но ответственности за эти смерти. Марине было физически больно смотреть на снимки с мест взрывов, но не смотреть их она не могла. Колоссальных усилий ей стоило взять себя в руки и заставить выполнять повседневные дела. И как ни странно, именно рутина помогала жить. Возможно, посильная помощь людям, бежавшим от войны, помогала ей самой гораздо больше.

Витя замечал, что мама часто плачет. По вечерам мама ложилась рядом и читала ему книги на русском языке. Это, пожалуй, единственное время, когда она была с ним и мысленно. Конечно, Марина заботилась о детях, вставала в шесть утра готовила завтрак и горячие блюда в термосы на обед в школу. Возила на кружки, убирала, стирала. Ворчала, если Витя разбросает в комнате фантики или грязную одежду. Но раньше она много играла с детьми. Куклы и медведи говорили разными голосами, помогала строить дорогу из деревянных рельс для паровозиков. Или играть с лего человечками в наборы, которые Витя обожал собирать. Сейчас Витя много времени проводил с папой, они изучали устройство двигателей, винтов самолета, или лего роботов для соревнований. Еще старшая сестра Кира играла с Витькой в видеоигры, баскетбол на площадке или учила складывать оригами. Со средней сестрой — Соней Витя не так хорошо ладил, они постоянно вступали в словесную перепалку. Причем, Марина подозревала, что оба тайно испытывают удовольствие от бесконечных дебатов. А иначе, зачем ругаться на ровном месте? Соня увлекалась природой. Завела рыбок, креветок и улиток. Выращивала грибы и цветы в горшках. На день рождения родители подарили ей микроскоп, и первое что она там разглядывала — это была Витькина козявка. Ещё долго Соня всем рассказывала какая же это мерзость. «Это и без микроскопа было ясно,» — обрезала Кира. Несмотря на пубертат, Кира была спокойной девушкой. «Идеальным подростком» говорила Марина. Конечно, она грубила, резко отвечала на обычные вопросы, хлопала дверью и закатывала глаза. Но в целом «Могло бы быть гораздо хуже,» — шептала Марина мужу. Если матери нужно было что-то выведать, она посылала на разведку отца. Антон

смущенно стучался, и после разрешения заходил в комнату дочери. Марина радовалась, что дочь доверяет папе, спрашивает его советы, и пусть мнением матери Кира пренебрегает, ещё бы дочь мечтает построить карьеру, а не быть домохозяйкой. Мама тут не пример. Пусть будет так, как она хочет.

Вова

Когда Вова с семьей прилетели в штаты он был совсем худеньким. После каждого приема пищи его рвало. Это началось с марта, и Ирина ссылалась на стресс, по онлайн консультации украинский врач сказал, что у Вовы, вероятно, непереносимость глютена. По рекомендации доктора Ира исключила глютен, но приступы хоть и не каждый раз, но продолжались. Когда Вова простудился, и долго мучался кашлем, с подозрением на пневмонию мальчика отправили на рентген. И сразу из офиса доктора Вовку госпитализировали. Оказалось, у него алахазия — редкое нейромышечное заболевание пищевода. При глотании не срабатывает рефлекс, не раскрывается нижний сфинктер (клапан), в результате пища не попадает в желудок, а скапливается в пищеводе, растягивая его стенки. Ирина самозабвенно молилась, когда Вовку оперировали. Часы операции казались вечностью, вид её маленького сыночка под наркозом, спящего в больничной кровати под капельницей, разрывал сердце на куски. Дети были самым важным в её жизни, ради них она оставила родителей в городе у линии фронта, страну, которую любила, и не хотела покидать. И ради этих любимых человечков, она сделает больше, чем может, лишь бы они росли и радовались.

Её переполняла безграничная благодарность врачам, стране, случаю, благодаря которому смогли выявить необычную болезнь, и спасли сына. А когда Вова начал есть, набирать вес, расти. С каким удовольствием он поглощал сырную пиццу. Никакими словами не выразить материнские муки от страданий ребенка. Особенно тех материей, которые чувствуют боль детей острее и сильнее своей собственной.

Ира была из тех матерей, которые общаются с детьми на равных признавая в них личность, достойной уважения с самого рождения. Она учили детей мыслить свободно и независимо. Смело воплощать идеи, высказывать своё мнение, пробовать новое без страха и сожалений. Вова и его сестренка Алиса росли уверенными в себе, а главное уверенными в своей маме.

С Витей Вова познакомился в парке на детской площадке. «Мама, мама, это мальчик тоже говорит по-русски,» — Вова тогда ещё испытывал сложности при общении на английском. Марина, оторвавшись от телефона, подняла голову и встретила взглядом с Ирой. Хотя, не по-местному, нарядная молодая женщина с макияжем сразу бросилась Марине в глаза, и промелькнула мысль, вот семья из новоприбывших. Она решила не предпринимать первых шагов, оставляя Ирине возможность избежать общение, если ей не хочется. «Здравствуйте,» — дружелюбно улыбнулась Марина: «Вы здесь недалеко живете? Недавно приехали?» и дальше до рецепта домашнего творога по сценарию знакомому всем иммигрантам с пост советского пространства. Вова был на год младше Вити, его богатое воображение не давало скучать, с легкостью на ходу придумывал новую игру. А Витя, который привык быть младшим, и все вокруг вечно его развлекали, с радостью подключался. Вова был признанным лидером, поэтому Женя, привыкший быть единственным ребенком, и вожак в компании самарского двора, так отчаянно пытался, конкурировать с ним. Женьке важно было не просто играть с детьми, ему необходимо было признание и уважение ребят. Но как его добиться он не знал, поэтому делал что умел, задибался и провоцировал. Марина это замечала, пыталась вмешаться и помочь детям играть дружно. Когда Ларисы не было рядом, Женя часто уступал, но, если мама находилась в поле зрения, нужно было оправдывать её восхищение и любовь любой ценой.

Горшаковы

Когда Горшаковы переехали Женя не скучал по Колорадо. Он не успел к нему привыкнуть и полюбить новый дом, хотя у него была своя комната, приставка и гамак во дворе. Столько он видел нового, необычного, полтора месяца жил в Мексике, четыре месяца в Колорадо. В Калифорнии будет круче. Женя редко вспоминал даже кошечку Мусю. Персидской пушистой красавице пришлось срочно подыскивать новый дом. Лариса отвезла питомца в хорошие, но чужие руки, и больше никогда не вспоминала о ней. Только однажды Женя увидел, как грустит папа. И очень удивился, когда тот ответил, что скучает по Муське.

Сколько же радости было, когда он встретился с друзьями из Мексики Сашей и Тёмой. Новая квартира была меньше дома в Колорадо, зато в комплексе был бассейн, по улице ходили дикие павлины и индюшки. На улице гораздо теплее, можно до ноября ходить в шортах. Да и в школе, как оказалось, много русскоговорящих. В Сакраменто жила большая община. Лариса часами изливала душу Алёне, лепя пельмени на продажу. Чтобы выделяться от конкурентов, Лариса придумала использовать цветное тесто. Она оформила фирму, получила лицензию на изготовление домашней еды. И теперь это был её маленький бизнес. Кузьмины свозили Горшаковых за каждой бумажкой, в продуктовый магазин с бесплатными продуктами для нуждающихся, рассказали, как и где получить калифорнийские права. Вокруг росли пальмы, иногда ветер приносил влажный океанский воздух. Жизнь у моря и вечное лето, для Ларисы оправдывали все невзгоды и печали. Как люди живут в колорадских степях? Тоска! А тут Сан-Франциско, до Голливуда пять часов на машине. Магазины, кинотеатры, рестораны. Жизнь снова заиграла красками. Поскорее бы Вадим подрос, чтобы отдать его в садик, там берут с года.

После школы Женя с друзьями играл на детской площадке около дома под присмотром дежурной мамы. Иногда дежурила и Лариса, всячески старалась меняться с Алёной, потому что находиться среди детей ей было неприятно. То ли маленькие человечки напоминали о её закупоренных детских травмах, то ли оживали воспоминания о прошлом, когда, будучи ребенком Ларису могли обидеть. Все стальные леди когда-то залили сталью крошечное израненное сердечко. И

только дети могут достучаться сквозь тонны железа до него. Жора усердно трудился на доставке, брал ночные и утренние смены. Деньги зарабатывал хорошие и стабильно. Но расходы тоже росли. Горшаковы купили поддержанный автомобиль, но нужна и вторая машина. Хотелось путешествовать, оплатить работу высокооплачиваемого миграционного адвоката, уроки английского и Жора оплачивал курс для аккредитации диплома, чтобы устроиться для начала гигиенистом. Лариса припирала домашними делами и расходами. На день рождения ей Жора подарил кошелек Ив сен Роллан. Георгий щедрый, но и отдыхать любит. Жизнь должна приносить радости, не только же работать, как его родственнички. Совсем занудные типы, пашут и пашут, никакой радости. Лариса любила жить красиво, она к этому привыкла, только в Америке её привычки стоили гораздо дороже, один маникюр восемьдесят долларов. В Самаре самый шикарный стоит полтора тысячи рублей, пятнадцать долларов по нынешнему конскому курсу. Первое время Лариса переводила цены в рубли, шмотки, косметика, девайсы стоили в разы меньше, а вот цены на еду и продукты, лучше не переводить. Хорошо, что в фуд банке можно было набрать чего угодно, там даже букеты цветов часто бывали в ассортименте. Лариса трепетно относилась к цветам, они напоминали о её солидной должности в крупной цветочной компании Самарской области.

Жора часто заезжал пообедать в Макдональдс. Он любил картошку фри и чизбургеры. (Лариса хоть и лепила пельмени на продажу, но пышными обедами не баловала.) На его истории в социальных сетях с фотками еды популярного фаст фуда, школьный товарищ написал «ящер» и Жора довольно рассмеялся. Впервые, за долгие годы завидовали ему, а не он. В России теперь нет Мак Дональдса. Вот бы ему работу еще не пыльную получить, а то с доставки трудно «слезть», с одной стороны, регулярные деньги, на которые можно жить, но и не столько, чтобы хватало откладывать, или оплатить все текущие нужды. Жора вычитал в интернете, что в Майями, берут работать помощником стоматолога после теста, и задумал переехать туда. Марина как-то рассказывала про программу для подтверждения международного диплома в Колорадо, из-за нехватки врачей, из бюджета штата оплачивается двухлетнее обучение, и можно

получить разрешение на стоматологическую практику. Но Ларисочка там скучает. Да и разругались некрасиво, родственники даже не извинились. Чувство собственного достоинства не позволило бы Георгию идти на поклоны. Ладно, проживем как-нибудь. Сами справимся.

Смирновы

Марина, Антон, Кира, Соня и Витя Смирновы уже привыкли к шуткам про фамилию и водку. Хотя Марина не раз слышала от американцев «Ты не пьешь водку? Какая же ты русская?», а её знакомые из Канады спрашивали: «Ты не умеешь кататься на коньках, и не играешь в хоккей? Какая же ты русская?». А Антон подтрунивал над женой, которая никогда не превышала скоростные ограничения: «Ты не любишь быстрой езды? Какая же ты русская?» Всё это были безобидные шутки. Но когда свекровь в очередной раз приехала в гости, и на прогулке Марина её спросила: «Разве не приятно, когда с вами прохожие здороваются, улыбаются вам? В России, к сожалению, не так.» «Конечно, ты ненавидишь Россию. Ты уже давно не русская!» — выпали Белла Наумовна с такой ненавистью. Что Марина опешила от неожиданности, в этот момент она поняла какой поток ненависти и злобы льют российские каналы на зрителей, а её одинокая свекровь смотрит телевизор целыми днями и впитывает негатив, как губка воду. Но Марину задело, что в очередной раз её не считают русской. Ни свекровь, ни Лариса, и даже Ирина. И если «ты не русская» в устах Беллы Наумовны звучит, как предатель, с промытыми мозгами, госдеповская подстилка. В тоне Ларисы тоже читалось осуждение, за неверную позицию, и критику родины. То Ира наоборот, говорила это с нежностью и оправданием, отделяя Марину от того, что сделала её страна. Но Марина чувствовала по-другому. Она считала себя русской, она родилась и выросла в России, и пусть Соединённые Штаты стали ей домом и прожила она тут почти столько же, как и на родине, но она думает на русском, и значит, она русская. Пусть даже не пьет водку, не играет в

хоккей и не поддерживает преступную войну. Русские, как и представители любой другой нации бывают разные.

У Смирновых жила черепаха. Её подарили Кире на десятилетие, когда Смирновы жили в Калифорнии. Девочки обожали питомца, Соня однажды сшила юбочку для черепашки. Только через три года они узнали, что это мальчик и пришлось придумывать новое имя для черепашки Машки. Теперь это был черепаха Паха, или Пашка. Но Витя не проникся любовью к хладнокровной рептилии, он мечтал о котике. Он ходил в пушистой пижаме с хвостом и капюшоном с ушками и вибрисами днём и ночью. Даже когда хвост оторвала Соня после потасовки. Витя не расставался с кошачьей шкурой даже в жаркие дни. И только после долгих уговоров, пламенных клятв убирать какашки, Вите подарили котенка. В тот день Смирновы приехали в приют, и Витя выбрал полосатого котенка, именно такого с каштановой шерсткой и зелёными глазами. Точь-в-точь, как в зачитанных книжках, и назвал котика, в честь любимого персонажа Финдус. Сколько же котов ходят сейчас с таким именем, спасибо Свену Нурдквисту? Все клятвы молниеносно позабылись, кормила и чистила лоток, вполне ожидаемо, только мама.

Головенко

Богдан, Ирина, Вова и Алиса Головенко медленно, но верно пускали корни. Богдан устроился работать менеджером в кафе, работа приносила ему удовлетворение, но и изматывала тоже. Часто приходилось задерживаться до закрытия, он своими силами облагораживал интерьер. Построил полку, сцену для пятничных вечеров с живой музыкой. Ира познакомилась с украинской диаспорой в Авроре, пекла для ярмарок и на заказ. Алиса совершенно не помнила Украину. Вова вспоминал расплывчатые отрывки, но чаще мамы рассказы о старом доме.

Большой радостью было полное воссоединение семьи. Когда с помощью волонтеров за приличную сумму Головенко смогли привезти свою собачку из

Киева. Трехлетний йоркширский терьер по кличке Марго осталась у родителей Богдана под Киевом. И с первого же дня в США Ирина искала варианты перевезти собаку в Колорадо. Наконец, нашла вариант, запросили сумасшедшую сумму, но Маргошу уже через неделю могут привезти в Чикаго. В тот же день Ира договорилась с перевозчиком, купила Богдану билет до Чикаго и через десять часов обратно в Денвер, но уже с хвостатым членом семьи.

Ирина с Богданом долго дружили, и четко вспомнить момент, когда дружба переросла в большее, никто не мог. Но, пожалуй, именно верного друга, соратника ценила в муже больше всего. Богдан без вопросов собрал рюкзак с необходимым в дорогу, и выехал в аэропорт. Он встретил перевозчика у гейта. Смирившаяся в любой участью вялая собачка сидела в перевозке. Среди тысячи незнакомых запахов она вдруг уловила запах хозяина. Уши напряженно поднялись, Марго беспокойно завертела головкой. «Гав-Гав» — сразу узнала Богдана. «Привет, дурёшка. Вот и я. Неужели ты думала, что мы тебя бросим?» Богдан двое суток спал урывками по паре часов, но привез собаку домой. Марго лаяла от счастья, пока не охрипла. Прыгала, лизала детям руки. Скулила, если хоть на минуту её оставляли одну. В ту ночь Вова спал с собакой, вся подушка и собачья шерсть пропиталась детскими слезами. А Маргоша лежала и боялась пошевелиться, лишь когда её мальчик уснул, осторожно слизала со щек соленую горечь о прошлом.

О политике

«Есть китайская народная сказка про лягушку в колодце. Лягушка жила себе прекрасно в колодце, и видела мир через круг вверху. И когда начался пожар, звери и птицы, пробегая мимо кричали: «Спасайся, зеленая, конец Света.» «А у меня тут хорошо,» — не верила лягушка. Вот и люди, Марин, как лягушки в колодце, живут собственные маленькие жизни, и видят мир в крохотном кругу над собой. Думаешь, матери моей однокласснице объяснишь, что Россия начала

войну, если в её дом попал украинский снаряд? Можно сидеть на другом краю планеты и рассуждать кто и зачем начал войну, но те, кто оказались в её жерновах, охвачены ужасом и ненавистью. У них своя правда.» — Ира, пыталась ответить на вопросы Марины про её земляков и их мнение. «Кто был против, и кто мог, уехали еще в четырнадцатом году, остались те, кто не мог или не хотел покидать дом,» — Ирина вздохнула, заваривая чай. Марина помнила первую волну эмиграции, как в русскоговорящем комьюнити долины собирали вещи новоприбывшим семьям. Тогда она очень удивилась, потому что в сми никто даже не употреблял слово «война». «А если ты остаешься, ты привыкаешь даже к взрывам. Живешь с мыслью, на всё воля Божья. Люди ко всему привыкают. И даже к взрывами и воздушным тревогам.» — заключила Ирина.

Марина узнала о начале войны утром от подруги. Прочла сообщение, посланное поздно ночью «Война!» и руки затряслись. Она сразу поняла, о чем речь, трое суток в новостях трубили о российских восках на границе, но разум отказывался верить во вторжение. Зашла в инстаграм и в состоянии шока скролила ленту. Посты резко делились на два мира. Украинцы кричали «Спасите, бомбят!» Россияне постили еду, котиков и спортивные успехи. Марина начала постить посты из Украины, писать личные сообщения друзьям и знакомым. «Ребята, какие котики? Какие рестораны? Там война!» И что тогда её поразило, очень мало кто ответил «какой ужас», «нам страшно!», «я не знаю, что делать?», ответы как правило были такими «Америка бомбила, а нам нельзя?», «я не верю, нет войны, и ковид тоже придумали!», «Ты пишешь сама не понимаешь, что!», «тебе промыли мозги,» или «У нас закон вышел о фейках.» Марина удаляла и блокировала многих, без жалости и сожаления, даже тех, с кем дружила с детства. Она не могла жить, как прежде. Одна мысль не давала ей покоя, чтобы писала я, если я всё ещё жила там? Спустя три года она мысленно оправдала каждого, свойство психики, защитные механизмы, приспособление, как способ выживать. Она не упрекала никого, выживать в стране без базовых свобод, сможет не каждый, и кто она? Что бы сделала она? У нее дети? Уехать, как протест? Она никого не обвиняла, но дружить с людьми, кто отрицал истину, что война — это плохо, она не сможет никогда. «Когда ты проснулась?» — вспомнила

Марина вопрос своей подруги из Николаева. Света с захвата Крыма ходила в футболке с перечеркнутым портретом моли и надписью «х..ло» и каждый раз смеялась, слышав шепот на русском: «Бандеровка». Марина со Светой часто обсуждали политику, вот и в тот раз сидя у костра на кемпинге во время ковида нахлынуло. «Что ты имеешь в виду?» — уточнила Марина, зачем ей нужно знать время моего пробуждения? «Когда ты начала следить за новостями? Интересоваться что происходит в России? Вы же давно уехали.» — уточнила Света. И тут Марина поняла, о чем она. Проснулась, какое странное слово. «Закон Димы Яковлева. Дело Магницкого, первые санкции. Тогда американка просила подписать петицию, чтобы ей отдали удочеренную в России больную девочку Полину. Я подписала.» — сказала Марина, хотя, наверное, задело её больше отравление Навального. Она особо не следила за его расследованиями. Но травить политического оппонента в двадцать первом веке было неслыханной дикостью. Или с протестов в Белоруси? Она тогда тоже очень переживала, созванивалась с подругами и слушала рассказы как хватали на улицах их родных. Об их ожиданиях, что россияне поддержат. «Нет, ты сама подумай, смысл выходить на улицу, а если тебе дубинкой по голове прилетит, или посадят? А почему за Белорусов надо выходить? Я там не был. Но чернику всегда белорусскую беру.» — слышала она в голове Жорин голос. Марина знала, что в России много равнодушных людей, много смелых и ещё больше несогласных. Мир таков, каким ты хочешь его видеть. Таких как Горшаковых она считала взрослыми с детской позицией, грустно видеть стареющих, так и не повзрослевших детей.

К Свете после войны приехал брат с семьей из Харькова. Его жена давала уроки музыки на фортепьяно для взрослых, через полгода она ушла к пятидесятилетнему «ученику» с гражданством и потребовала развода. Брат Светы впал в депрессию, а двое его детей подростков остались на плечах тётки. Марина, часто думала, что война для какого-то оказалась возможностью уехать из страны. Уйти из отношений и прочее. И что те, кому действительно угрожает режим, остались там, а сюда приехали такие как Горшаковы или брат Светы, выкупивший справку из военкомата о негодности, потому что у них тут были

родные. К Наде приезжал двоюродный брат, они с женой и ребенком бежали из Бурятии через Монголию, потом в Аргентину, Мексику и на машине с третьей попытки в США. Всех, кого знала Марина, так или иначе, коснулась волна войны. А ведь были истории и про проходимцев, которые после пересечения границы подавали в суд на спонсоров и друзей, которые откликнулись помочь, а получили черную неблагодарность. «Земля смелых и свободных» поется в гимне США. Смелых, кто не побоялся бросить все, чтобы начать жизнь с нуля в свободной новой стране? Мы всего лишь люди... И все хотят выжить, и не всегда самые смелые, благородные и честные. Просто люди.

Лариса в Калифорнии стала осторожнее в высказываниях, её соседи были из Украины, Белоруси и России. Политические и свидетели Иеговы, говорили с горящими глазами про Иисуса/Навального, их Лариса считала фанатиками и предпочитала не спорить. Тем более «сектанты» хорошо покупали пельмени, никогда не торговались. А сторонники Навального помогали забирать Женьку из школы, и часто брали его со своими детьми на прогулки. По разным причинам их всех занесло в один комплекс, и они нуждались друг в друге, как никогда. Эти люди чувствовали близость, куда больше, чем с местными непонятными американцами. Ларису раздражали американские натянутые фальшивые улыбки, их спокойный тон, даже когда Лариса на них кричала. «Но ведь мы гости в их стране, мы должны быть благодарны. Они платят налоги, с которых оплачиваются наши льготы и страховка.» — говорила Алена про местных жителей. «Мы тут пашем как проклятые за центы. Это кто ещё кому должен быть благодарным!» — фыркала Лариса.

Марина свято верила, что Америка меняет людей. Она учит трудиться, и к тебе приходит понимание, что никто тебе ничего не должен. И за всё нужно платить. «Почему тогда людей из Бруклина, которые голосуют «за сильную руку и порядок» Америка ничему не научила?» — справедливо спорила с Мариной Света. «Я не знаю. Но в одном я абсолютно уверена, в целом люди везде одинаковые, остальное зависит от условий и внутреннего стержня. Смогут ли тебя сломить внешние условия, или ты выступишь. А в хороших условия, люди рано или поздно тоже должны становиться лучше.» — утверждала Марина и сама в это

верила. «Ты романтик!» — заключила Света и залпом допила бокал вина. «Я оптимист,» — с грустной улыбкой отвечала Марина и медленно допивала вино до дна по глотку.

911

В тот вечер Кузьмины засидели в гостях у Горшаковых. Играли в настолку, Лариса угадывала почти все карты. «Видите, моя жена ведьма,» — с гордостью говорил Жора. Мужики пили выдержанный виски со льдом. Дамы «Пино гри» или как в Америке он называется «Пино гриджио». Алёна ушла раньше укладывать детей. Женька уснул быстро. Вадим заснул на руках. И Лариса его переложила в кроватку.

Среди ночи Лариса проснулась от крика младшего сына. Муж спал в гостиной на диване. Она позвала его, но Жора не просыпался. Тогда она пнула его в спину. На руках кричащий Вадим. «Вставай, папаша, это и твой отпрыск тоже. А спать хочу. Сегодня моя очередь выспаться!» — Ларису трясло от гнева. Жора проснулся и не понимающим взглядом вперился в жену. Она со всей силы пнула его еще раз и протянула ребенка. Жора медленно встал, его узкие свиные глазки помрачнели, видя орущую Ларису, и ещё хмельной, он впал в забытое детское ощущение. Когда его мать орала и обзывала его, а он беспомощно стоял и сжимался от страха. Тут ярость охватила мужчину, недовольство, которое он так долго сдерживал, хлынуло адреналином. Он схватил Ларису за шею и начал душить. Он сжимал пальцы. А она как рыба хватала ртом воздух, крепко сжимая плачущего Вадима. Воздуха не хватало, и Лариса начала терять сознание, её упругое тело обмякло. И только тогда Жора разжал пальцы. Лариса негодовала, соперничать с ней плохая идея. Она это так не оставит. Озлобленная женщина выбежала в халате на улицу, набрала 911. И вызвала полицию. Полицейские быстро приехали на вызов, сфотографировали синяки на шеи Ларисы и забрали Жору в тюрьму. «Думал, мне слабо?» — кричала ликующая Лариса.

Но уже утром, нужно было отвозить Женьку в школу, и Лариса пожалела, что Жоры нет рядом. Произошедшее ночью казалось ей страшным сном. Она была растеряна и испугана. Остаться с детьми одной в чужой стране. А вдруг его не выпустят? Она судорожно набирала родственникам в Колорадо. «Алло, алло. Привет, Максим. У нас тут такое. В общем, Жорик в тюрьме,» — её голос драматически дрогнул, Станиславский бы поверил. «Вчера, я попросила его помочь с ребенком, а он начал меня душить. Да-да, это очень на него не похоже, он добрый весельчак. Это всё Америка, тут у он реально с катушек полетел. Приехала полиция, его забрали. Теперь я совершенно одна с двумя детьми.» Лицо Ларисы напряглось от напряжения, через телефон она пыталась уловить мельчайшие детали настроения родственника. «Нет, я в порядке. К вам не поеду, нет, тут у Женьки школа. Адвоката, хорошо. Только ты не плати ему, лучше мне деньги вышли. Я тут на месте разберусь. Да-да, спасибо тебе. Конечно, его надо вытащить. Я его знаю, нет такого не повториться. Жора же трусливый, он больше никогда не посмеет. Да, да, я абсолютно уверена. Мне и детям нет никакой угрозы. Тут и все соседи наши друзья. Мне помогут. Деньги можно на венмо переслать или зелле. Спасибо. Да, а вы думали у нас тут шутки. Нет, все по-настоящему. Счастливо. Кате привет. Я ей звонила, он трубку не берет.»

Лариса сидела в парке, качая коляску со спящим Вадимом. В красках представляя мужа, сидящего на бетонном полу в камере с темнокожими наркоторговцами. «Ох, у него же давление,» — беспокоилась она. И что теперь делать. Бесится там, наверное, выйдет убьёт. Нет, не посмеет. Пусть посидит, будет больше бояться. И правда, больше не посмеет на меня руку поднять. Ишь, чего вздумал. Мужик, блин. Телефон в её руке завибрировал, высветился номер Кати. Лариса довольно хмыкнула. «Алло, привет. Да такой у нас капец.» — Лариса не училась актерскому мастерству, подстраиваться под людей она не умела. Но патологически врал, и часто без особого смысла. А Катя такая наивняша, верит во все, можно не заботиться даже об интонациях. «Да, душил, я чуть сознание не потеряла. Нет, не переживай, приезжать не нужно. Ты только скажи, что там с адвокатом. И пусть Максим мне деньги вышлет. Я на сама решу. Суд послезавтра. В десять. Если меня спросят прощаю ли его, я должна буду ответить да или нет, и

от этого будет зависеть? Могут отпустить из здания суда? Ты уверена? И адвокат не нужен на этом этапе? А вдруг его не отпустят? Да, я тебе по секрету скажу, это же не первый раз. Первый раз он матерился, угрожал, что уедет в Самару. Да, на понт меня брал, он ни разу в жизни ни одну бумажку не заполнил, купит билет без меня? Так я и поверила. Выгонял меня. Я вызвала полицию. Они приехали, сказали ему: «Чувак, мы понимаем, чужая страна, стресс, но насилие не выход. Предупреждаем.» И он вернулся с такой наглой ухмылкой, мол и что ты сделаешь?» А в этот раз он пьяный был, они его сразу в наручники и машину с мигалками. Катя, у нас тут всё как в кино. Голливуд отдыхает.» Катя не вызывала у Ларисы уважения, квашня квашнёй. Она не могла скрыть своё превосходство над никчёмной домохозяйкой. Немного не в себе, йога, медитация, домашний хлеб на закваске, самодельное масло, купание в ледяной ванне и прочая чушь. Катя как пластилин подстраивалась под людей и всем с ней было удобно, она всем нравилась открытостью и простотой. Обаятельная, эмпатичная, всегда готовая обнять. Раздражала Ларису даже не эта напускная, на её взгляд, доброта, и толерантность, а Катино умение избегать конфликтов, извиваясь дипломатично успокоить и договориться, но при этом, когда что-то ей принципиально, Катя умела ставить границы, и легко отказывала. Поэтому Лариса никак не могла нащупать рычаги для манипуляций. Когда Горшаковы жили у Максима и Кати, Катя постоянно подчеркивала, что она тут хозяйка и у них есть правила. Ларису это сильно напрягало, она планировала жить в гостях, к тому же, Лариса, как никак в положении и справедливо рассчитывала на минимальное гостеприимство, поэтому предпочитала игнорировать Катю и старалась обращаться по любому вопросу напрямую к Максиму. В её мире ценность представляли люди, зарабатывающие деньги, а не мямли с духовными ценностями. Но родственники похоже американизировались и совсем забыли, как нужно встречать гостей. Допустим, приехали встречать на границу, но Лариса лучше бы полетела, чем плюхаться двадцать часов на машине с пузом. «Лариса, летать на таком сроке опасно.» «Лариса, тут солнце другое мажься солнцезащитным кремом.» Лариса, то, Лариса тут сё. «Ларисочка, почему ты не довольна. Так все классно. Мы должны быть им благодарны, люди так стараются?» — заискивающе вопрошал

Жорик. Но Лариса привыкла всего добиваться сама, а если кто и помог, так это тоже только её заслуга. Именно, Лариса созванивалась с Максимом и спрашивала про план, она просила его оплатить жилье в Мексике, потому что российские карты не работали. Она согласилась, чтобы они встретили на машине, если уж они так настаивали. Она контролировала весь процесс. В чем же спрашивается их заслуга? Если кого и благодарить, то — себя.

«Катя, не пугайся, ты так, бывает мужья моих подруг по пьяни ударят там, но тут же у меня ребенок на руках был. Вот в чем весь ужас. Не поднимет на меня руку он меня больше. Нет, в семь лет мы живем вместе, и всего один случай в Самаре был. После праздника он подушку в меня бросил. Но я сразу ему про своего дядю из ФСБ напомнила. А мой отчим в 90-е авторитетом самарским был. Алло, Катя, ты меня слышишь? Ненормально? Да не буду я его выслушивать, мало ли что он хочет. Катя, какой психолог, у нас тут денег не хватает на бытовые вещи. Хорошо. Пока.» Лариса была довольна, ей удалось шокировать Катю, теперь та, попросит денег у Максима. Все не так уж и плохо.

Георгий Горшаков

Жора был младшим сыном, и рос в тени умного Гриши. Старший брат со школы выигрывал олимпиады по математике, физике и химии. Получал призовые места на международных олимпиадах. Родительская гордость доставалась первенцу, и на всех праздниках Жора выслушивал часовые мамины речи о том, какой умный у него брат. Мамина байка про полмозга у Жоры въелась до мозжечка, точнее до его половины: «Может и тебе от моего папочки умные мозги бы достались, но, когда роды начались, меня хотели в дежурный третий роддом отвезти, а у нас тут напротив пятый роддом, я туда пошла пешком. А в пятом — врачи безрукие. Долго с тобой мучалась, потом акушерка щипцы взяла и тебя за голову, хватъ, и вытащила. Вот такой синий след на всю голову. Тогда-то тебе полмозга и прищемили.»

Когда родители развелись, Жора утешал маму, ходил с ней за ручку по врачам, чтобы маме не было страшно, ведь её подруга умерла от рака. Вот и мама может умереть. Жора, а не Гриша, бегал за таблетками в аптеку, вырезал из кокосов чаши для гавайской вечеринки с мамиными одноклассниками. Водил в ресторан, слушал её рассказы. Гриша после аспирантуры, уехал в Берлин, сейчас он профессор университета. С Жорой они общаются редко. И Жора не горит желанием. Спесь заумного брата, его вопросы, как проверка какая-то, разберется Жорик и без братских заумных советов. Максим приходился то ли двоюродным дядей, то ли троюродным братом, и очень напоминал Жоре брата Гришу. Гриша хорошо зарабатывал, женился, завел детей, и постоянно был до безобразия правильным, и зависть душила Жору только о мысли о брате. После каждой поездки в Германию мама часами на кухне рассказывала про внуков, про Гришечку, про его такую же идеальную жену. И книги она детям читает, и на кружки водит, и такие внуки гениальные вундеркинды, как Гриша. А Женьку бабушка не любила, и не скрывала этого. Каждый раз, когда она набрасывалась с упреками на ребенка, у Жоры перед глазами вспыхивали кадры их детства, как отчаянно он старался порадовать маму. Но он всегда не дотягивал. Вот и Максим с Катей до отвращения идеальная парочка, когда Жора попытался пожаловаться Максиму на Катю, тот заступился за супругу. Жора так и не прощупал трещины, изъяна, Ахиллесову пяту, куда можно надавить, чтобы рассорить пару. И это раздражало. Именно, поэтому он страстно желал разрушить их благополучие. Жорику плохо, всем должно быть плохо. Он действовал интуитивно, из-за удушливой зависти. Их отношения с Ларисой то напоминали реслинг, кто кого, то они объединялись крепко и близко перед общим врагом. Подпитывая друг друга, и понимая, как страшно одиночество. Ничто так не бесило Жору, как самодостаточные, проницательные люди, которые под пафосной оболочкой, под возвышенным самомнением все-таки видели черную дыру пустоты Жориной низкой самооценки. Никчемное ничтожество внутри него жизненно нуждалось в одобрении и похвалы окружающих. Безупречный внешний вид и красивые картинки успешной жизни в социальных сетях были опорой и отдушиной.

Когда Горшаковы съезжали от родственников, Лариса была ласковой овечкой, она не его мать, она его ценит, понимает даже то, о чем они никогда не говорят. А может, так же, как и он, страшится одиночества? Да, и без нее он откровенно говоря и не смог бы. Георгий Горшаков приходил в благоговейный трепет перед «бумажками» — документами и справками. Он так боялся ошибиться, что предпочитал, чтобы всем заведовала Лариса. Жена часто напоминала мать, эгоистичная, требовательная, властная, холодная, грубая и истеричная. Когда он злился на Ларису из подсознания вылезало чудовище, порожденное и загнанное в дальние уголки сознания, неконтролируемый гнев, который поглощал его, и лишь выпуская агрессию Жора чувствовал, что освободился. Он сжимал пальцы на шее Ларисы и получал удовольствие от её беспомощности. Животный страх в глазах жертвы давал неописуемое наслаждение властью. Он Всемогуц, он велик, он мужик. И тут он главный! Как и его мать, Лариса дарила ему любовь, заботу, нежность, особенно, если Жора старался. Он забыл истинное я, лишь угождал ожиданиям матери, той которую в детстве он любил безусловно. Ту, которую ненавидел сейчас, за то, что она никогда его не любила. Он ощущал себя ее обслугой, ее отражением. Создание собственной семьи, наконец, пусть и после тридцати, но он женился, обзавелся детьми. И увез всех в штаты. Ох, как мама причитала, на кого он её оставит, что он там будет делать без денег, без дома, и без неё. Но Жора, подкрепившись знаниями из видео блогов про эмиграцию, всё же решился. Максим уже купил билеты в Мексику. Поедем. Посмотрим. Жора никогда не просил ни о чем брата. Он сетовал матери, и она передавала Грише. Гриша интроверт, человек дела, не философствовал и не рассуждал, если ему озвучивали проблему, решал её. Так он вернул Максиму деньги за билеты Горшаковых и за жилье в Мексике. Уже легче. Брат одалживал деньги, но ни сроки, ни условия не обговаривались. Да и совесть у Жоры чиста, Жора ничего не просил. Брат сам дал. И чувство собственного достоинства не пострадало. Жору часто унижали, особенно в России. Его мужское эго страдало и подавлялось, агрессия сдерживалась, вес тела рос. В штатах люди относились к нему с уважением, независимо от социального статуса, одежды, хотя к внешнему виду Георгия не придираться, он

тщательно заботился и выглядел с иголки. Ему было хорошо в свободной стране, тяжкий груз самообладания, плитой придавивший его внутренних демонов легчал. К Жоре возвращалась уверенность в себе и мужество.

Пока Жора в рыжей робе сидел в камере на бетонном полу с афроамериканцами, Лариса позвонила и его матери. «Надежда Степановна, Георгий в порядке. Конечно, на него не похоже, но полицейские сфотографировали все мои синяки на шее. От его пальцев остались следы. Это доказательства. Послезавтра суд, Максим ищет адвоката. Может быть, деньги понадобятся. Да, адвокат запросил девять тысяч. У вас нет, понимаю. Может быть, Гриша пришлёт? Ага. На мою карту. Нет. Нет. Катя сказала, что будет зависеть от моего прощения. Информация с форумов про кейсы о домашнем насилии в США. Нет, тут в Калифорнии с законами очень строго. Не надо на коленях просить прощения, конечно, я прощу его, детям нужен отец. Женька сегодня плакал, как там папа наш? Но понимаете, мне нужны гарантии безопасности. Всё мне пора, Вадим плачет. Растет, все хорошо. Новых фото особо и нет, занята. Ладно, скину, что есть. До свидания.»

Конечно, затеяв драку и вызвав полицию, Лариса не заглядывала так далеко. Ей руководили эмоции. Но сейчас она сумела ловко вывернуть сложившуюся ситуацию под себя. Рычаги, рычаги и давление, какая же она ловкая и хитрая. И что бы олух Жорик делал без неё? Не хотел денег просить. Ха! И не пришлось.

Кто виноват?

Трое суток в тюрьме Георгий проклинал Ларису, и тот день, когда написал ей рекламное сообщение стоматологических услуг ВКонтакте. Именно, с него началось их общение. В молодости Жорик был весьма привлекательным. В школе многие девчонки сходили по нему с ума. В медицинском он встречался с самой красивой девушкой потока. Он боготворил её, привел в дом, но с предложением руки и сердца медлил. Ведь мама всегда предупреждала о коварности женщин,

об их меркантильности и неверности. «Кто ж на тебя просто так позариться? В свою квартиру никого не пропишу. Так и знай!» Но девушка была из обеспеченной семьи, мама Жорика выбор сына одобрила, и он уже собирался предложить руку и сердце. Но родственники возлюбленной вмешались и расстроили Жорино счастье. Приехали и увезли её из уютного гнездышка.

Георгий жил с мамой до тридцати двух, сторонился женщин. В глубине души Жора их ненавидел, за их надменный высокомерный взгляд, самодовольные ухмылки и пренебрежение. Они считали Жорика жалким? Глупым? Скуфом? И вот появилась Лариса. Он явно ей нравился, и выглядела она роскошно, достойная представлять своего мужчину. С Ларисой всегда был огонёк, и Жора «играл» с супругой на равных. Кричал, что разведется, пугал, что уедет к брату в Германию, а ее оставит с детьми одну в штатах, прятал американское свидетельство о рождении Вадима. «Уезжай с Женькой. А Вадима мы с мамой вырастим!» Отправлял её в Турцию. «Вали, разводимся, ищи себе богатого!» Лариса не уступала, игра заводила обоих. Она писала Кате жене брата Жоры, узнавала не купили ли они Жоре билеты. Ложь, манипуляции и секс. Съехались они давно, но расписались «по-быстрому» только перед Америкой. Чтобы проходить одним кейсом, а детей Жора бросить не мог. Он хороший отец. Не хуже брата.

Давление скакало, голова кипела, думать и проклинать жену он уже не мог. «Hey fat man. Did you say something? » Сердце у Жоры остановилось, в школьные годы он с друзьями мажорами носил широкие джинсы, даже рискуя нарваться на гопников. Сколько раз они убегали, перепрыгивая через гаражи, забегая в подъезды, прячась за мусоропроводом. Этот страх, но уже без заряда адреналина, а тяжелым грузом тянул Жорика на дно в темноту. «No man. I said nothing. I have kids» — пролепетал испуганный до смерти осужденный за домашнее насилие. Парень рассмеялся то ли над акцентом, то ли над интонацией. Жора отомстит ей за это унижение. Засыпая, он вспомнил, как мамочка делала ему массаж перед сном, правда, когда Лариса их «застукала», пришлось прекратить. Хотя что в этом такого? Массаж. Как хорошо положить голову на её тонкие колени. Она утешит, она всегда поймет и простит. Мама!

На следующий день в тюрьму пришёл представительный мужчина в дорогом костюме. Сказал, что он адвокат, с ним связался Максим. И после встречи с Жорой, он выставит счет за услуги. Жора ввел в курс дела. Кевин Вайт пообещал защищать его интересы против жены в суде. «Главное, убедить судью, что обвинения ложные!» — убедительно сказал Кевин. «Ложные, ложные. Лариса все преувеличивает. Это она начала. Она пинала меня, вот синяк.» Георгий воодушевился. Главное, убедить всех в своей невиновности. Жора хороший малый. Никаких сожалений, что он душил жену. Лишь горькая досада, что ей поверили и его арестовали.

Суд прошел быстро. И без стресса. Кевин не появился, значит, Макс его так и не нанял. Заседание проходило без «воды», очередь обвиняемых иссякала на глазах, многих освобождали в здании суда. Когда Жору в наручниках ввели в небольшой зал. Он сразу увидел бледную Ларису с Вадимом на руках, она нервно покусывала нижнюю губу, поглядывала на экран телефона в руке, и судорожно ловила взгляд супруга. Жорино лицо выражало равнодушие и отрешенность, но взгляд был мрачнее черных грозовых туч, и в зрачках мелькали молнии. О, нет, он не раскаивался, и не сожалел. Он жаждал мести.

«Лариса Горшакова, прощаешь ли ты Джорджия Горшаков?» — строго спросил судья, после оглашения состава преступления. Лариса встретила взглядом с Жориком, ища мольбу, но он, потупившись, разглядывал шнурки. «Да,» — робко ответила она. «Свободен,» — огласил решение судья, и Жору вывели из помещения. Лариса выбежала на улицу, и набрала Катю. Та не ответила, Ларису всегда раздражал игнор родственницы. Но сейчас она была напугана, и поэтому, забыв на время про гордость, она ещё представит счёт простушке Кате за её высокомерие, но позже, она набрала ещё раз. «Не могу говорить, отвечу позже.» — написала Катя. «Что там с адвокатом?» — спросила Лариса. «Как суд?» — вопросом на вопрос ответила Катя. «Максим перешлёт деньги?» «Жору отпустили? Или еще не было слушания?» «Скоро. Жду. Так адвокат будет?» «Нет, все будет зависеть от твоего решения. От адвоката мало толка. И большие траты.» «Так что теперь делать? Вдруг его не отпустят?» «Пусть сидит.» Лицо Ларисы залилось краской от гнева, но вдруг в последнем сообщении она увидела

свое спасение. Вот, Катя и оступилась, Лариса ухмыльнулась. Сделала скриншот последнего сообщения, вырванного из контекста, и отправила Жорику. Ему, наверное, как раз вернули одежду и телефон.

Жора перезванивал маме, брату, Максу, и всем сочувствующим. Жаловался, оправдывался, и врал. Врал он лихо, без зазрения совести, и чувства вины. Потому что в тайне презирал всех этих людей и за людей их не считал, бездушные картонки. «Я не виновен. Лариса всё преувеличивает. Спросите Федю, это она бегала за мной с ножом.» «Лариса сказала ты пожелал ей смерти,» — всхлипывая рассказывала мать. «Мам, да. Но перед этим, она сказала, чтобы ты сдох от инсульта.» Родственники с радостью покупались на его оправдания и доводы, никто не хотел мириться с тем, Жора сделал. Если бы Катя и Максим узнали подробности, они пришли бы в ужас, слишком спокойной и гуманной жизнью жили эти растяпы. Пятнадцать лет на чужбине сплотили их в единое целое, в одну команду, опору друг друга, даже в самом страшном сне они не могли себе представить семейные отношения людей с детьми в таком плачевном состоянии.

Когда Жора увидел скриншот смс от Кати. Он выдохнул с облегчением. Не нужно воевать с Ларисой. Он не был уверен, что одолеет это крепкий орешек. А тут прекрасный объект для ненависти и перевода стрелок. Кто виноват в том, что Жора чуть не умер в американской тюрьме? Конечно, Катя. Она желала, чтобы он сидел, ещё и злорадствовала, смайлик тому доказательство. Он с удовольствием, пальцами-сосисками тыкал в экран, пересылая скриншот от Ларисы маме, брату и Максу. Пусть Макс полюбуется какая тварь его жена, пусть придушит эту гадину, которая смеялась над Жорой. Теперь у него есть что представить Максиму, пусть ссорятся, пусть страдают. Громоотвод сработал, можно вернуться к Ларисе. Как же он соскучился.

Дома Лариса кроткой овечкой ублажала мужа. Он лежал на диване, а она подносила чипсы и пиво, громко смеялась над шутками в фильме. Демонстративно почитала Женьке книгу. Поворковала с Вадимом. Когда дети уснули, предложила план мести. «Давай в группе «наши в США анонимно напишем пост про Катю. Ты опубликуешь текст. Я сочиню. А потом я в

комментариях подкину дров. Пусть горит эта ведьма жарким пламенем.» Жора был счастлив, Лариса его поддерживает. Мстит общим врагам. Какая замечательная жена. Главное, сильно её не злить, вдруг вызовет копов. От мыслей о тюрьме сводило желудок. А вдруг их вообще депортируют. «Буду хорошим мужем и отцом. Я ведь такой.» — заключил Жорик.

Марина Смирнова

Смирновы купили дом недавно, три года назад. Шестнадцать лет они жили в съёмных квартирах, домах. Семь переездов, три штата, семь городов. Каждую весну с первой зеленью в Марине пробуждались крестьянские инстинкты, и она пыталась засадить безжизненную степную глину с камнями деревьями северных широт. Удачно прижилась рябина: у дедушки с бабушкой перед домом росла рябина. Дед посадил её у себя в саду для птиц, и всегда ссылаясь, на народную примету, по количеству ягод определял холодная ли будет зима. Марина посадила облепиху, в надежде, что однажды соберет ягоды, она скучала по медово-кислому облепиховому вкусу. Вспоминая, как с отцом, сидя на перевернутых ведрах, они часами собирали овальные золотые ягоды. Со смородиной было ещё сложнее, сорта, заказанные онлайн из Орегона, в Колорадо росли плохо, жаркое засушливое лето, плохо подходило для кустов красной и черной смородины. Хотя в лесу Марина не раз замечала дикие кустики с любимыми, но очень мелкими ягодами.

Наконец, четыре кустика прижились, но требовали ежедневного полива, и Марина с гордостью рассказала о них соседке Ольге. Какого же было её удивление, когда она узнала, что у Ольги на заднем дворике тоже растет смородина, и облепиха, да, и мужской и женский куст. Столько усилий поиска и ожидания, когда мужской куст облепихи снова будет в продаже, оказывается на соседней улице уже росли эти кустарники. Этот факт потряс Марину, неужели, тоска по родным места у иммигрантов выражается в желании засадить родными растениями новые земли, чтобы окружить себя знакомой флорой и теплыми

воспоминаниями. А может быть, мы сами, как эти кусты, пытаемся прижиться в чужой земле и в другом климате? Хотя местная черемуха росла хорошо, и ягоды на вкус были такие же. «Осталось ещё березки посадить?» — смеялась Марина.

Жизнь поделилась на до и после в феврале двадцать второго. Марина осознала, что той страны, где она родилась и выросла больше нет. Это помогало не ностальгировать, легче перенести разрыв с друзьями и знакомыми с другой позицией. В прошлое невозможно вернуться, и не нужно утешаться самообманом. Видя фотографии разрушенных украинских городов, она с болью представляла и родной город. Убитые дети, улетали ангелами, их лиц она не запоминала. Но в голове часто слышала истошный плач их матерей. Мир казался таким гуманным, как мы допустили такое?

Забирая Киру к ортодонту после школы, Марина наблюдала за группой подростков, переходящих дорогу. На них были широкие джинсы, надо же, снова в моде спустя двадцать пять лет, и толстовки размером больше. И вдруг вышел паренек в короткой плиссированной клетчатой юбке, на одной ноге была капроновые колготки с дугами дырок, а на второй цветные лосины и шерстяной чулок. Сверху — черный обтягивающий топ, и короткий пиджак, с черно-белыми кругами. Невероятно модный вызывающий прикид. Марина улыбнулась, она была рада, что её дочь учится в школе, куда этот неординарный талантливый молодой человек не боится приходить в таком виде. Он не опасается, что подростки за непохожесть будут издеваться над ним. Молодой человек может позволить себе самовыражение во внешнем виде. Возможно, это в будущем известный модельер, стилист, шоумен или музыкант. Как знать? Марина любила детей, в них она видела надежду. «Дети лучше нас, так работает эволюция,» — шутила она. «Нет, Марина, ты только представь, подойдет к твоему Вите дяденька и скажет: Витя, а знаешь, как круто быть геем. Ты только попробуй.» — вспомнила Марина гомофобские доводы Ларисы. «Они живут свою жизнь, никого не трогают. Просто хотят, что их права учитывались,» — защищала Марина. «В том то и дело, жили бы молча, а они же детей агитируют,» — не сдавалась Лариса. «Ты хоть одного гея знаешь?» «А зачем мне с ними общаться?» «Думаешь, и тебя соблазнят? Или Жорика уведут?» — съязвила Марина, конечно, спорить с человеком, в которого

пропаганда закачала ненависть и страхи бессмысленно. Марина знала по статистике около четырех процентов людей рождаются с нетрадиционной ориентацией, и оставалось лишь помолиться, чтобы ни Женька, ни Вадим не попали в эти четыре процента. Пусть это будут дети более принимающих матерей. Марина поспешила сменить тему. Но сейчас, глядя на это паренька, она отчетливо вспомнила слова Ларисы. Пусть Америка изменит её мнение. Может у неё появится друг, и она поймет, что людей оценивать можно только по человеческим качествам, а не по их сексуальным предпочтениям, которые они не выбирали.

Вот кого ненавидела Марина, так это педофилов. Где-то она вычитала, что каждый десятый мужчина по официальным данным педофил. А сколько не раскрытых случаев, она недолюбливала мужчин, относилась ко всем с опаской. Правдами и не правдами не отпускала детей к друзьям, проживающим с разведенными отцами. Она была бдительна и недоверчива ко всем. Слишком дорогая цена ошибки. Поэтому часто самой приходилось организовать встречи, или ночевки. Рассказывала детям, что никто не должен трогать их тело. И сама не заходила в ванную, лет с десяти, доверяя заботу о собственном теле детям. «Что она там помоеет в десять лет? А голову как?» — спорила подруга Света. Но Марина оставалась при своем мнении.

Марине было сорок три, дети росли, и она понимала, что нужно думать о себе. Чем она займется? Пойти в детский садик? Почтальоном? Её диплом математика запылелся. «Я отупела. Дегradировала. Я не знаю, в чем себя искать?» — поделилась она однажды с Ириной. «Готовить я ненавижу. Хоть и приходится. Печь не умею. Но и самое ужасное, я устала. Просыпаюсь, и уже нет сил. Мне хочется, самореализоваться. Хочется приносить пользу обществу. Да и самой зарабатывать деньги тоже.» — Марина улыбнулась, и в уголках глаз собрались морщинки. «Я экономист. В Украине у меня лично было два бизнеса. Цветочный, который я раскрутила в Донецке, но началась война. Потом я переехала в Киев, познакомилась с Богданом, родился Вова, я в декрете крутила шарики для праздников. Арки, фигурки. Затем мы с Богданом открыли кофейню, но опять война. И теперь я тут пеку, готовлю, помогаю старикам с огородами.

Делаю все, за что платят.» — Ира пожала плечами. Марине стало неловко, ведь она не бежала от ракет, они приехали давно по работе Антона. «У вас всё получится, главное шаг за шагом двигаться в нужном направлении,» — поддержала подругу Марина. «Кто хочет ищет возможности. Кто не хочет — отговорки,» — согласилась Ирина. Марина ощущала женщин интуицией. Если ей было комфортно с человеком, не было неловкости, когда возникала пауза. Если она чувствовала, что может раскрыть мягкое ранимое нутро, и её не ранят, не предадут. Она ценила такого человека. Друзей у неё было мало, но тех, кого она считала близкими ещё меньше. Марина полюбила Ирину за искренность, Ира не боялась быть собой, спорила и высказывала свое мнение, а свое мнение у неё было всегда и по любому поводу. Она шутила, и очень тонко чувствовала границы. С ней Марине было хорошо, но порой включалась тревожность, а вдруг Ирина подстраивается, и со мной ей не интересно? «Я экономлю много денег на психологе благодаря тебе.» — шутила Марина. «Расплатишься вином,» — отвечала Ирина. Женщина нужна женщине. А уставшая женщина нужна уставшей — ещё больше. «Меня мучает совесть, сегодня дети смотрят мультики уже два часа. Но это единственная возможность посидеть поболтать.» — исповедовалась ответственная мать. «Это не страшно. Страшно, когда они не могут смотреть мультяшного больше двадцати минут, у них рассеянное внимание. Я не знаю, это диагноз, или от телефона в раннем возрасте. Честно, тебе скажу, меня жутко напугало, когда Женя не мог удерживать внимание. Сейчас везде трубят про вред коротких видео и устройств, особенно в раннем возрасте. Лариса говорит, он просто неусидчивый, гиперактивный. Да, у меня тоже сын, мальчикам нужно много двигаться, но мой может слушать, когда я читаю по сорок минут минимум, с удовольствием смотрит фильмы. Это не СДВГ, Женя умеет сдерживать эмоции, даже лучше, чем я. Мы все сейчас с клипарным мышлением и дофаминовые наркоманы. Но у семилетнего мальчика есть даже аккаунт в инстаграме. Я не понимаю, зачем? Ведь он не сам его завел» — Марина ждала ответа. «В России, и в Украине детям покупают телефоны, обычно простые, чтобы быть на связи. Не волноваться за ребенка. Там у всех они есть, и поэтому не кажется таким уж ужасным.» «Но у Вовы же нет.» «Да, но я подумываю о часах, на которые можно

звонить. Я тревожная мать. Мне спокойнее, если вдруг опоздала забрать со школы — созвониться, а не искать ребенка.» «О! да, сколько я бегала искала Витю. Часы хорошая идея, но в школах их тоже запретили.» «У нас пока можно, если что снимет, бросит в рюкзак до конца уроков.»

Марина знала, что по-настоящему больно ранить может только очень близкие люди, поэтому рефлексивно избегала сближения. Но тем не менее, она верила в женскую дружбу, так же беззаветно, как малыши верят в деда Мороза. Именно подруги умеют наполнять друг друга жизненной силой. Она не понимала, как именно, это работает. Но только в окружении понимающих женщин, Марина наполнялась живительными силами. Мужу, семье, ежедневной рутине она отдавала, но только с подругами жизненная энергия возвращалась втрое умноженной. Именно в моменты, когда Марина ощущала глубокую привязанность к Ире, её охватывали волнения и сомнения. Вдруг Головенко придётся уехать? Вдруг Марина грубо высказалась и обидела подругу, но та промолчала? Или ещё хуже Ира затаила обиду, но скрывает. Но каждый раз Ира принимала подругу, снова и снова, ведь и она сама тоже нуждалась в поддержке и общении, и тоже верила в женскую дружбу.

Лев Толстой

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.»

Вова фанател от «Гарри Поттера», как и его мама Ира. Даже маленькая Алиса почти наизусть знала реплики из первых двух частей. Ира мечтала свозить детей в Универсал студию в Орlando, где в мельчайших деталях воссоздали мир волшебников. На Вовин день рождения она накупила тематических шариков, испекла торт в виде книги с Буклей из мастики. А подарок! Были билеты в парк развлечений. Поездка планировалась через месяц, три дня в двух парках.

В тот же вечер счастливый Вова сложил в рюкзак мантию, круглые очки с обычными стеклами. Шарф колледжа Гриффиндор. «Вова, зачем тебе шарф, во Флориде сейчас уже тепло, а через месяц будет плюс двадцать семь?» «Хорошо, но как же они поймут, что я не из Слизерин?» — разумно рассудил мальчик. «О, истинного гриффиндорца ни с кем не спутаешь!» — убедила мама. «Знаешь, а Витя хочет быть Слизеринцем. Потому что можно хулиганить.» Ирина рассмеялась. «Кажется, и Гриффиндорцы не очень-то слушались взрослых. Я думаю, Слизерин выбирают те, кто не фанатеет от книг.» — подметила она. «Но у них дома есть книги в двух переводах и в оригинале с картинками.» «Это Марина фанат, Кире нравились, когда была маленькой. А Соня и Витя прохладно относятся.» «Было бы здорово, если бы поехали в парк все вместе.» — улыбнулся мальчик. «Да,» — согласилась Ира: «Но наверное, это будет слишком сложно организовать. Месяц спустя, глядя в иллюминатор самолета, Ирина радовалась не меньше детей, а может и больше. В отличие от любимых чад, она знала, чего ожидать. Она изучила карту, составила подробный план, скачала приложение на телефон, где можно проверять длительность очередей на аттракционы. Богдан нежно обнял любимую за плечи, мечтательно улыбнувшись. Впереди три счастливых дня всей семьей в волшебном мире параллельной реальности. Там, где добро ВСЕГДА побеждает зло. Счастье.

Жора вел машину, Лариса сидела на заднем сидении, покачивая Вадима на руках. «Увидишь, ментов, предупреди, я положу его в люльку. И зачем этот идиотизм с люльками. Младенцы же орут в них?» — раздраженно заметила Лариса. «Для безопасности,» — вставил Жора. Он не переносил детского крика, его бросало в пот, и он не мог сосредоточиться. Ехать на машине до Лос Анжелеса от Сакраменто шесть часов. Но приходилось делать длительные остановки, чтобы Вадим проорался. Женя играл в телефон, его не интересовали однотипные пейзажи, абрикосовые сады, пасущиеся коровы, поля и маленькие городки. Лариса предвкушала сколько фотографий для инстаграма она наснимает, надо только выкладывать не все сразу, её Самарские подружки никогда не придут в себя. «Мои подружки ходят в ресторан, закажут блюда,

фотографируются, потом меняются тарелками, и в разные дни поест, как будто едят в ресторанах каждый день. Другая моя подруга всегда скандалит, чтобы ей заменили еду или вернули деньги. Не важно какая у тебя жизнь, важно какие фото в инсте.» — рассказывала она как-то Марине. «А зачем ты дружишь с такими?» — недоумевала та. «Нет, они хорошие девчонки. И дружим мы давно, ещё сто лет до соц сетей.» — уверяла Лариса. Но на деле она была такой же. Комментарии, сердечки, скрытые перепосты в личку, её обсуждали, ей завидовали, это было порой даже сладостнее, чем сами поездки и эмоции от вкусной еды или путешествий. Счастье.

Женьку ждали карусели, сладости, герои мультиков, которых он не знал. Но это же Дисней, шоу, песни, танцы, а главное родители рядом. Они могут поспорить, мама ворчит на папу, папа цыкает и уходит, но вскоре возвращается, главное, они не кричат, не дерутся, улыбаются и фотографируются, проводят с ним время. Счастье.

Беззаботное детство снова раскрыло Жорику нежные объятия. Герои его любимых мультфильмов махали и улыбались. Лариса смотрела на него с восторгом и обожанием, он видел в стеклах её очков своё отражение: Георгий лучше всех на свете! Именно он, Георгий привез семью в штаты, зарабатывает на аренду жилья, купил машину, хватает на вкусную еду, одежду и развлечения. Америка такая щедрая на шоу, безграничный мир иллюзий и пластмассовое удовольствие льется разноцветным фонтаном с рекламных плакатов, вывесок и экранов. Счастье.

Около суток на Смирновы добирались до маленькой уютной норвежской деревушки. Бревенчатый домик тёмно-синего цвета, с крылечком занесенным снегом отыскать удалось не сразу. На часах еще было только пять часов вечера, но город был поглощен непроглядной темнотой. Вскоре облака рассеялись, с неба засияла луна, снег заискрился и стало светлее. Дети оживленно галдели, выбирали комнаты, ели вафли из упаковки. Разгрузив лыжи и чемоданы, уложить детей спать было не просто. Хоть они все мало спали в прошедшие сутки в пути, но джетлаг сбил биоритмы. Марина нежно чмокнула каждую макушку. «Люблю

вас, котят, спокойной ночи.» Вокруг всё было новым и непривычным, каким-то давно забытым, но близким, может память предков, засевшая в зашифрованном генетическом коде, рассказывала им о северной русской зиме. Завтра день на лыжах, потом вкусная мамина еда, и каникулы: читай, играй в видео игры. Счастье.

Антон растопил печку, заварил свежий кофе, в Норвегии его пьют круглосуточно. Задумчиво улыбаясь сам себе, сел у окна, любясь снежной равниной. Завтра всей семьей они поедут кататься по мшистым лесам, занесённым снегом. Тихо, умиротворенно и безмятежно, слово вся суматоха и проблемы остались там, далеко, с людьми. Не нужно ни с кем договариваться, спорить, что-то доказывать, не нужно стараться понравиться, бояться, что тебя неправильно поймут, осудят, обидятся. Не нужно никому помогать, нервничать, отказывать или соглашаться, общаться с манипуляторами и токсичными личностями. “Спасибо за все, что ты делаешь для нас. Я очень ценю!” — Марина нежно погладила мужа по лысеющей голове, но для нее он был опорой, плечом, командой, тем, с кем они в одной упряжке тянут общую телегу в гору. Она была благодарна мужу, с радостью и самоотверженно выполняла свою часть работы. Антон это очень хорошо понимал. Тут в лесу в теплой избушке только самые родные и любимые. Счастье.

Марина вышла во дворик и плюхнулась в пушистый сугроб. Кира скоро окончит школу и возможно уедет в другой штат, Соня просится в летний спортивный лагерь с волейбольной командой. Уедет на целый месяц. Витя останется один. Время летит. Правильно индейцы говорят: «Ребенок — это гость в твоём доме. Накорми, одень, научи и отпусти.» Слёзы предательски навернулись сами собой. Но сейчас мы все вместе, и это — счастье! «Счастье!» — крикнула Марина в космическую черноту. Пусть знает вся Вселенная.

*20 апреля 2025
Боулдер, Колорадо*